

ГУНДОГДЫЕВ Овез Атаевич (р. 1966) — заведующий отделом Института истории при Кабинете Министров Туркменистана, кандидат исторических наук, почетный профессор Европейского университета Международной академии наук о природе и обществе, почетный член секции цивилизационных и социокультурных проблем Российской академии естественных наук. В 1990 г. с отличием окончил исторический факультет Туркменского государственного университета им. Махтумкули (специальность «археология»). Автор книг: «Слава и трагедия: судьба таджикского конного полка 1914-1918» (соавтор Дж. Аннаоразов), «Христианская церковь в Туркменистане», «Беликие полководцы средневековья в истории туркмен», «Мучю» (соавтор Р. Мурадов), «Богеня — мать земли туркменской», «Прошлое туркмен. Избранные труды по истории и культуре Туркменистана», «Мары — душа царей» (соавтор О. Экаев), «Конь и конница у туркмен», «Туркменистан в женских ликах» (соавтор К. Байрамов). Всего опубликовано свыше 400 научных и научно-популярных работ О. Гундогдыева, изданных в Туркменистане, России, Турции, Италии, Франции, Узбекистане, Казахстане, Индии и др.

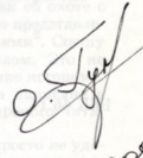
Овез Гундогдыев СОКОЛ - ПТИЦА ЦАРСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУХ

Овез Гундодыев

СОКОЛ — ПТИЦА ЦАРСКАЯ

Дорогому
другу Ата
Зебердыеву желаю
долгих лет жизни, счастья
и успехов во всех делах!
автор
проф.

АШГАБАТ
"РУХ"
2001

июль 2001 г.

УДК
Г 94

Иллюстрации автора

Автор выражает искреннюю благодарность фирме "Аргач" в лице ее генерального директора Чары Ширлиева за спонсорскую помощь в издании этой книги.

Гундогдыев О.А.
Г94 Сокол — птица царская. Ашгабат, "Рух", 2001.
104 с., ил.

В книге профессора О.Гундогдыева рассказывается об охоте с ловчими птицами у туркмен, о видах хищных птиц, религиозных культах, связанных с представлениями туркмен и их предков. Работа написана на основе богатого исторического и фольклорного материала. Несмотря на то, что использована и специальная литература по орнитологии, а также приведен краткий терминологический словарь, монография представляет собой историческое исследование, которое рассчитано не только на историков, этнографов, искусствоведов, филологов, но и на самого широкого читателя.

ББК 46.11

© Издательство "Рух", 2001
© Гундогдыев О., 2001.

ВВЕДЕНИЕ

«Гунум бар, хумум бар»
(«Есть у меня ловчая птица —
есть клад с золотом»)
Туркменская поговорка

Когда мне в 1996 г. предложили подготовить небольшую статью о соколиной охоте у туркмен, я с радостью взялся за её написание. Но тут же столкнулся с целым рядом непреодолимых препятствий, что и следовало ожидать. Исследователь этногенеза туркмен, который не только не был знаком даже в общих чертах с такой наукой как орнитология, но и не прочитал до этого ни одной (к своему величайшему стыду!) работы о соколиной охоте, всё таки опубликовал статью. Конечно она получилась лёгкой, рассказывающей о соколиной охоте в общих чертах и больше налегающей на историю¹.

С тех пор я просмотрел массу литературы и, естественно, теперь имею определённые познания об охоте с ловчими птицами, о видах хищных птиц, о представлениях и фольклоре туркмен, связанных с ними. Спешу поделиться с читателями своим материалом. Это не работа зоолога, а лишь скромное исследование историка. И именно историка, ибо настоящая книга написана в историческом ракурсе и рассчитана на широкого читателя.

Следует специально отметить, что мне просто не удалось найти в наших библиотеках некоторые дореволюционные исследования, обнаруженные в библиографических указателях, которые касаются охоты с ловчими

птицами. Но считаю своим долгом привести наиболее важную литературу, изданную в XIX веке и начале XX столетия, относящуюся к предмету исследования. Кто знает, может иному скрупулёзному читателю, пользовавшемуся этим указателем, посчастливится обнаружить интересные данные в работах добросовестных авторов прошлых десятилетий.

К числу таких авторов нужно, в первую очередь, отнести таких специалистов и любителей соколиной охоты как С.Т.Аксаков⁴, К.Галдер⁵, Н.Данилов⁶, Н.Кутепов⁷, Левшин⁸, Л.П.Сабанеев⁹, Энгельмейер⁹.

Необходимо отметить и тех авторов, труды которых касаются непосредственно территории Туркменистана, среди которых выделяются Г.В.Тарановский¹⁰, Н.Арский¹¹, П.А.Варенцов¹², Г.Воскобойников¹³, М.В.Житников¹⁴, Н.Зарудный¹⁵, Н.Зноско-Боровский¹⁶, Н.А.Мельницкий¹⁷, Л.А.Молчанов¹⁸, В.И.Радугин¹⁹, А.Шляхтин²⁰ и др.

Крупнейшим исследователем орнитологии является Г.П.Деметьев, посвятивший птицам Туркменистана фундаментальный труд²¹ и ряд отдельных исследований, в том числе ловчим птицам²². Эти работы давно стали библиографической редкостью. Г.П.Деметьевым была собрана уникальная коллекция соколов и предметов охоты с ними, на основе которой в 1967 г. в Зоологическом музее Московского государственного университета была организована прекрасная выставка соколиной охоты²³.

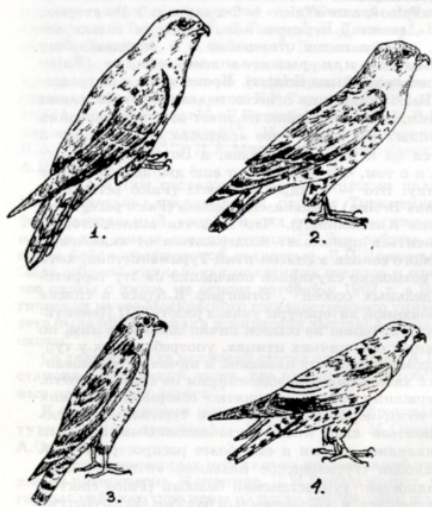
Со знанием дела написана статья орнитолога А.К.Рустамова о соколиной охоте, где присутствуют собственные наблюдения автора²⁴.

К охоте с ловчими птицами у туркмен обращались и туркменские этнографы К.Атаев²⁵, Д.М.Овезов²⁶, А.Оразов²⁷.

Однако в некоторых местах этих исследований наблюдается разногласие. Например, Д.М.Овезов пишет, что в горных районах туркмены на охоте вместо собак использовали сокола²⁸, тогда как К.Атаев отмечает: «Туркмены горных районов (нухурлинцы, гёклены, мурчинцы и др.) на охоте почти не использовали ловчих птиц и охотничьих собак. Население предгорной полосы Ахала мало охотилось в горах, а занималось преимущественно охотой в пустыне Кара-Кумы, широко используя охотничьих птиц и тазы»²⁹.

В работе К.Атаева допущен целый ряд неточностей. На некоторых из них следует остановиться особо. Он пишет: «Основными видами ловчих птиц, распространённых у ахалских туркмен, были сокол (лачин — *talco peregrines*), «сарджа» (досл. желтенькая — *talco peregrines*), «гарынджа-гуш» (досл. муравьиная птица), «тор-гуш»³⁰. Что же здесь смущает? Ну, во-первых, всех птиц, относящихся к соколам, обозначают латинским словом «*Falco*», а не «*Talco*» (в 2-х случаях!). Во-вторых, словом «лачин» у туркмен назывались не только все соколы, но оно имеет отношение и к определённому виду — шахину или рыжеголовому соколу (*Falco peregrinus babilonicus* Sclater). Кроме того, к подразделению *Falco peregrinus* отнесён и «сарджа»! На каком основании, если автор даже не знает русского названия этой птицы? На самом деле «сарджа» — это сарыч и относится он к виду не соколов, а *Buteo buteo*. Стоит сказать и о том, что существуют ещё два вида, близкие к шахину. Это — тундровый сокол (*Falco peregrinus leucogenus* Brehm) и кавказский сокол (*Falco peregrinus caucasicus* Kleinschmidt). Что касается последнего, то Г.П.Деметьев призывает воздержаться от включения кавказского сокола в список птиц Туркменистана, хотя вполне возможно случайное попадание на эту территорию отдельных особей³¹. Этнограф К.Атаев в списке использованной литературы указал работу Г.П.Деметьева, судя по одной из ссылок лично общался с ним, но об основных охотничьих птицах, употребляемых у туркмен, кроме сумбурных названий и ничем не обоснованными их латинскими определениями не сказал ничего. Из содержания статьи непонятно совершенно, каких ловчих птиц использовали в охоте туркмены. А ведь Г.П.Деметьев ясно пишет, что основными птицами охоты являлись шахин и ещё более распространённый сокол-балобан (туркменское название «ителги») двух разновидностей: туркестанский балобан (*Falco cherrug coatsi* Dementiev) и обыкновенный балобан (*Falco cherrug cherrug* Gray). Известный орнитолог указывал также, что туркмены широко использовали прирученных ястребов и реже беркутов³².

Исследователь К.Атаев, посвятивший теме охоты свою статью, отмечает, что в «историко-этнографической литературе до сих пор нет специальных статей об охотничьем промысле»³³. И это не смотря на известные в его

Благородные соколы
1. Кречет; 2. Шахин 3. Сапсан. 4. Балобан.
(Прорисовки с рисунков
М. Курчевской)

время прекраснейшие статьи А.К.Рустомова, Г.П.Дементьева и громадное количество дореволюционных статей об охоте у туркмен! Да простит мне читатель излишнюю придирчивость к статье К.Атаева. Дело в том, что когда я спрашивал у наших историков и этнографов о каких-нибудь работах об охоте у туркмен, известных им, то практически все они указывали на статью К.Атаева. Прочитав же эту статью, сторонний исследователь может сделать неверные выводы о соколиной охоте туркмен, поддавшись авторитету автора. К.Атаев, в основном, приводит лишь собственные материалы полевых исследований 1961-1962 гг. в окрестностях Ашхабада, совершенно не используя отличную статью А.К.Рустомова «О соколиной охоте в Кара-Кумах» (Известия Туркменского филиала АН СССР. — 1950. — № 4), а знакомство с работами Г.П.Дементьева не заставило его пересмотреть свои выводы. Например, ссылаясь на Г.П.Дементьева, он указывает, что в России как у киргизов и казахов, ловчих птиц носили на правой руке, а в Западной Европе — на левой, при этом отмечая, что туркмены выходили с ловчей птицей, «держа её на правой руке»³⁴. В то время как Г.П.Дементьев специально оговаривает, что туркмены носили птиц как в Западной Европе — на левой руке!³⁵

К.Атаев пишет также, что «на лис ловчая птица не допускалась, так как лиса обычно выходила победителем в схватке с птицей»³⁶. Автору следовало бы указать, каких птиц не употребляли для охоты на лис. Те туркмены, которые охотились с беркутами не только напускали этих орлов на лис, но и брали с их помощью волков и даже кабанов³⁷.

Примитивно выглядит в статье К.Атаева и ловля соколов: «Иногда охотники ловили соколов сплетённой из гребенчика корзиной, поставленной на бок с деревянной подпоркой, а под неё клали кусок мяса или же привязывали какую-нибудь птицу (голубя, дрофу и др.). Сокол, видя птицу, спускался на неё. В это время спрятавшийся охотник дергал верёвку, конец которой был прикреплен к подпорке, и сокол в ловушке»³⁸.

Как просто! Не складывается ли впечатление, что каждый из нас запросто может поймать сокола, положив лишь под корзинку кусок мяса? А ведь ещё Д.Ливкин, отмечая в 1909 г., что ловлей соколов занимались немногие опытные туркмены-сокольники, писал: «Охотник в

Мелкие соколы
1. Обыкновенная пустельга; 2. Дербик; 3. Кобык; 4. Степная пустельга; 5. Чеглок
(прорисовки с рисунков М.К. Курчатов)

напряжённом ожидании прилёта сокола проводит в шалаше нередко целые недели: при поимке двух-трёх соколов, сбываемых в Персию по 10-20 рублей за штуку, охота считается уже удачною»³⁹.

Сокол за куском мяса почти не спускается, он должен видеть живую добычу. И даже когда он увидит трещающую в ловушке птицу, он не всегда её берёт. Большой знаток соколов В. Романов пишет: «Ловить соколов оказалось более трудным занятием, нежели ловить ястребов, потому что ястреб обыкновенно хватается приманку и усаживается на неё, давая тебе дернуть тайник и накрыть его полностью тем огромным куском сети, который ты нацепил на палки. Сокола же начинают выпугивать приманкой, заставляя её взлететь, чтобы поймать в воздухе»⁴⁰.

Среди современных работ о соколиной охоте общего характера необходимо, прежде всего, отметить труды Р.Г. Пфедфера⁴¹, а также великолепный энциклопедический труд В.Е. Флинта и А.Г. Сорокина «Сокол на перчатке»⁴², на страницах которого читатель может не только познакомиться с историей и национальными особенностями соколиной охоты народов мира, но и узнать о современном состоянии этой охоты и охраны хищных птиц.

Не желая больше утомлять читателей столь затянувшимся вступлением, отмечу, что у туркмен и их древних предков хищные птицы занимали огромное место в религиозных представлениях, фольклоре и символике, о чем также мы не преминем сказать в этой книге.

ГЛАВА I

«Остроклювых бойся грифов...»

Как соколиный взор остр!
Как ястреб ловок и хитёр!
Кто понял птичий разговор, —
К тому орлы слетятся с гор!

Байрам-шахир.
«Слетятся орлы». XIX в.

Вот уже в течение почти полных пяти тысячелетий хищные птицы, особенно орёл и сокол, являются общечеловеческим символом неба, солнца, свободы, космоса. Это и космос в образе Хора в Египте, и солнечный орёл хеттов-птица бога грозы Пирвы, и орёл Ашшура, и фантастический орёл у Ахеменидов и т.д.¹

Представления о хищной птице, наделённой божественной функцией, особенно развиты на Востоке и, конечно же, не все они имеют одинаковую основу, потому что несут в себе разную символическую нагрузку. Для нас, в первую очередь, интересны те представления, которые сложились на большом пространстве Центральной и Средней Азии, Иране и Индии, имеющие единые корни и просочившиеся в Восточную и Западную Европу. Что же это за представления?

«Отец истории» Геродот (V в. до н.э.), рассказывая о землях «скифских» народов, которые являются одними из предков туркмен, доходя в своём описании азиатских этносов до реальных исседонов (асуты-асы), пишет:

10

«Итак, об исседонах у нас есть ещё сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаём от скифов...»²

О «скифской» природе «одноглазых» и «грифов» свидетельствуют и произведения других древнегреческих авторов, которых увлекли подобные необычные сюжеты. Не зря Эсхил в трагедии «Прикованный Прометей» писал:

Остроклювых бойся грифов,
Зевсовых собак безмолвных!
Одноглазой конной рати аримаспов,
Живущих у золототекучего Плутонова потока.³

Несмотря на то, что греки стали отождествлять рассказы скифов с похождениями своих мифических персонажей, в поэмах ясно указывается арктическая природа, не характерная для Греции. Золотые реки и золото, которое стерегут грифы, связывались с высокими Рипейскими горами, где находится обиталище сурового Северного ветра. Поэт Солин писал, что на подступах к горам Рипейским находится пустыня Мрака, а сами горы «погружены в вечную тьму, всем там владеют грифы, свирепые и доходящие до крайнего бешенства..., которые растерзывают всех, кого увидят».⁴

Как указывает Помпоний Мела, область перед Рипейскими горами «необитаема, потому что грифы, свирепые и упрямые животные, очень любят и ревниво стерегут... золото и нападают на того, кто до него дотронется».⁵ А известный христианский деятель Иероним (348-420 гг. н.э.) говорил, что северные горы недоступны людям «из-за грифов, драконов и чудовищ с громадными телами».⁶

Геродот, серьёзный учёный своего времени, ясно высказывает свое сомнение, ссылаясь на то, что об одноглазых людях и грифах грекам стало известно от скифов. Вероятно у «скифских» народов, населяющих огромные пространства от Чёрного моря до границ Китая, захватывая почти все культурные оазисы древнего Востока и стоит искать происхождение подобных рассказов.

Известный этнограф Дж. Болтон, на которого так часто ссылаются исследователи, привлёкший большой

сравнительный исторический, этнографический и фольклорный материал, убедительно показал, что легенды о грифах и аримаспах являются вариантом фольклорного сюжета, широко распространенного в Центральной Азии, Китае, Иране, Индии⁷.

О стране Мрака, за которой следует священная обитель и где находятся сказочные богатства, писал и автор этих строк в статье «Скифский эпос в традициях «Огуз-нама»»⁸.

Сохранение сюжетов об одноглазых (дэвах) и грифах, стране Мрака и т.д. у многих тюркских и арийских этносов Азии (иранцев, индийцев) до наших дней говорит о том, что именно в их среде возникли эти фантастические представления и относятся, по моему мнению, к периоду единства тюрков и ариев, примерно к VIII-VII тыс. до н.э. Для туркменского народа, который на протяжении тысячелетий включал в себя всевозможные тюркские и арийские племена, особый интерес представляет мифология и тех, и других, ибо в равной мере до сих пор она представлена в сказочных сюжетах, поверьях, легендах и религиозных воззрениях туркмен.

В образе грифов слились воедино черты реальных животных: орла и льва, орла и собаки и т.д. Но все эти фантастические существа охраняли мифическое золото на вершине горы.

Вопрос о религиозных истоках возникновения подобных мифов ещё не решён окончательно. При разборе сюжетов выясняется, что фантастических хищных птиц было: 1. несколько; 2. две — добрая и злая; 3. одна птица, вбирающая в себя хорошее и злое начала.

Но почему именно героями мифов становятся грифы? По моему мнению, это некоторым образом связано с религиозными представлениями «скифских» народов, которые и передали их персам, китайцам и грекам.

По сведениям древнегреческого географа Страбона маги и каспии (обитатели прикаспийских районов) выносили покойников «...в пустынные места, при этом издали наблюдают: если покойник будет стащен птицами с носилок, то его считали блаженным, если же зверями и собаками, то его менее (почитают), если никем, то его считают несчастным»⁹. Такой обычай существовал также у родственных каспиям (гирканцам) массагетов и парфи и не имел ничего общего с персидским погребальным обрядом, при котором персы покрывали

тело покойного воском. Обычай «скифских» этносов-парфи, массагетов, каспиев говорит о том, что зороастризм возник первоначально в их среде и в завуалированной форме выражен в туркменской присказке «ит-гуш иймез» («собака-птица не будет есть»). Так как человек, по сведениям Страбона, считался погрязшим в грехах, если к его телу не приближались собаки и птицы, то, видимо, и современные туркмены, забыв уже сам древнейший обряд, остерегали человека от свершения плохих поступков этими словами¹⁰.

Мы видим, как поедатели трупов — собаки и птицы в туркменской пословице указываются слитно. Может быть поэтому возникли мифы о фантастических грифах? У Эсхила они названы «нелаяющими псами», что дало повод учёным сделать вывод: в скифском эпосе образ грифов первоначально был связан не со львом, а с чудовищами¹¹.

Не случайно указана в сказаниях пустыня, сразу за которой живут грифы. Ведь покойника выносили именно в пустыню, где и поедали его реальные грифы, которые огромными стаями слетались на трупы людей и животных. Это зрелище было ужасающим, что и возбуждало воображение наших предков. Вот что писал в 1937 г. исследователь М.К.Наптев, который лично наблюдал стаи грифов в Туркменистане: «Павшие лошади, верблюды привлекают такое громадное количество черных грифов ...и в особенности стервятников... и белоголовых грифов или сипов..., что иной раз не представляется возможным просто их сосчитать. Приблизительно можно сказать, что такие парящие в воздухе стаи достигают нескольких сот экземпляров. Любопытное зрелище представляют эти стаи. Они неподвижны в целом, но внутри их творится нечто невероятное: громаднейшие птицы независимо друг от друга описывая круги и меняя постоянно высоту, делают тысячи различных воздушных пируэтов, следить за которыми буквально не в состоянии никакой глаз»¹².

Нетрудно себе представить, что люди могли при поедании хищниками покойников думать, что в это время происходит борьба души человека с грифами. Не эти ли сюжеты отображены на различных предметах из скифских курганов, где изображается битва воина с грифом, или двумя грифами?!

Здесь есть ещё одна особенность. По воззрениям древ-

Сакский золотой браслет с грифонами. Амударьинский клад (IV в до н.э.)

Птица «Симург» на серебряном кубке сасанидской эпохи

них народов Средней Азии, души отправлялись в рай, который располагался на священной горе, где страна небожителей. Грифы же гнездятся, в основном, в горах. Видимо поэтому считается, что именно грифы охраняют гору. В то же время, поедание грифами плоти рассматривалось как высшее благо. Так, скорее всего, и возникла двойная сущность грифов, где равным образом распределены положительные и отрицательные функции.

Но откуда возник тот знаменитый «звериный стиль» азиатов-скифов, парфян, саков, гуннов, сарматов и др., где преобладают сцены терзания львоподобными, собакоподобными и т.д. грифонами копытных животных (бык, олень, лось). Эти сцены всюду — на камне, керамике, тканях. Они — как свидетельство мощного искусства азиатских народов, в котором показана динамика движения, что, собственно, отвечает и самой сущности подвижного кочевого общества.

Может быть здесь погребальные представления слились с мифическими мотивами, связанными с Новым годом (Новрузом)? В частности, иранист Е.Е.Кузьмина считает, что сцена терзания львом быка вызвана наблюдениями за звёздным небом, когда в ночь Новруза созвездия Плеяд (Бык) и Кассиопеи (Олень) оказываются рядом с созвездием Льва³.

Мифы о грифах и орлах ярко проступают в священной книге зороастрийцев «Авесте» и древнеиндийском памятнике «Ригведе».

«Авеста» говорит о трёх птицах: Саена (орёл или гриф), Аразифия (орёл или большая птица) и Варегна (беркут или ворон). О птице Варегне, воплощении Веретрагны, говорится в Бахрам-Яште:

Хватающий снизу добычу когтями,
Клюющий её сверху,
Из всех птиц быстрейший...¹⁴

Саена — это громадная птица, закрывающая горы подобно облаку. «Авеста» рисует Саену как воплощающую в себе три образа. Именно Саена фигурирует под именем позднейшей мифической птицы Симург, ведь это название происходит от авестийского «сайна мрига» (т.е. «сайна птица»).

Фирдоуси писал в «Шахнаме»:

Увидишь ты гору главою до туч,
Там птицу, чей облик суров и могуч,
Симургом зовут ее; полного сил,
Его ты с крылатой горой бы сравнил.
В когтях унести в поднебесье слона
И чудище моря с глубокого дна
Поднять нипочём ему...
Довольно ему над равниною взмыть,
Чтоб солнцу померкнуть, чтоб миру застыть.
Путь, верь мне, назад тебе лучше держать,
Горы и Симурга того не искать.

Близок образу Симурга и гигантская птица Гаруда (дословно «пожиратель») индийских ариев. Гаруда изображался фантастическим существом с человеческим туловищем с орлиной головой, крыльями и когтями.¹⁶

В «Ригведе» в гимне Агни (бога огня) есть такие строки: «Он (Агни) охраняет желанную вершину Рипы, место Птицы; он, бодрый, охраняет веселье богов».¹⁷

В «Махабхарате» рассказывается о том, как Гаруда поведал отшельнику-мудрецу Галаве о многих городах, землях и «стране блаженных», после чего мудрец возжелал побывать там. Гаруда посадил Галаву на себя и понёс в своё обиталище. Галава восторженно кричал: «О, летучий! Я вижу, что на пути как бы стремятся навстречу стоящие впереди деревья, земля вместе с морями, лесами, борами, горами, как бы взмывается вихрем твоих крыльев...»¹⁸

Образы Симурга и Гаруды возникли из одного источника и являются лишь вариантами одного и того же мифа. На это указывает целый ряд параллелей: в «Ригведе» Гаруда назван Шьеной, обитающей на Рипских горах, а «Авеста» говорит о птице Саене, живущей на горе Харе; как в «Авесте» Саена, так и в «Махабхарате» Гаруда являются похитителями священного растения сомы (авест. хомы). «Махабхарата» рисует грозный облик гигантской птицы: Гаруда сотрясает горы, может поднять в воздух слона, закрыть тенью от крыльев землю, гигантские деревья ломаются под его тяжестью. Никто не мог в битве с Гарудой выйти победителем, даже боги. Красочно описан момент похищения сомы (амриты) в эпосе индийцев. Боги «стояли, окружив амриту, и вместе с ними громовержец Индра. Решительные, они облачились в дорогие панцири, сделанные из золота. Они

16

1.

2.

3.

1. Каменная печать с изображением орла из Бактрии (I тыс. до н.э.). По В.И.Сарианиди.
2. Сакская золотая статуэтка орла с лебедем в когтях. Сибирская коллекция.
3. Золотая подвеска в виде орла в геральдической позе. Сакский курган I тыс. до н.э. Таджикистан

17

держали множество мечей разнообразных... (началась битва и птица закричала) криком, напоминающим гром громадного облака, устрояя все существа. И взлетел в воздух царь пернатых, убивающий врагов-героев... Израненные когтями и клювом, они пролили много крови. Теснимые и терзаемые Гарудой, боги отступили... Лучший из пернатых направился к амрите»¹⁹.

Так Гаруда захватил растение сому (амриту) и принес его людям. Также и Саена приносит хаому людям с райской горы. Этому растению арийцы посвятили много гимнов, ведь оно являлось олицетворением изобилия, влаги и обладало лечебными свойствами. Интересно, что слово «сома» (хома) выводят от глагола «су» (выжимать, готовить сок). Очень притягательно его отождествить с тюркским словом «су» (вода).

Мне представляется, что у туркмен сохранились отголоски таких представлений. Например, туркмены в засушливые годы обращали свои молибы к Буркут-баба — покровителю дождя. Для этого нужно было принести в жертву козла. Животное не кормили сутки, а затем привязывали голодную жертву на возвышенном месте, и она своими криками должна была привлечь покровителя дождя. Независимо от того, шел после этого дождь или нет, жертвенное животное резали и совершали общественную трапезу, называемую «буркуты ёлына»²⁰. У туркмен по этому поводу бытовало выражение: «Хут, пут, говы гелсем, газан суйт, эрбет гелсем келлебашаяк ут» («Если год будет удачным, котлы наполнятся молоком, если год будет засушливым, то народ будет питаться бараньими головами»)²¹. Считается, что Буркут-баба погоняет облаа плетью, от чего сверкает молния и гремит гром»²².

Несмотря на то, что Буркут-баба рисуется как некий мифический персонаж, на связь с фантастической птицей указывает само имя «хозяина дождя» (досл. «Беркут-отец (дед)» или «Орёл-отец»), а также то, что как и Гаруда, напоминающий криком гром, Буркут-баба плетью вызывал гром. Мифическая птица арийцев принесла людям живительную влагу. От Беркута-отца туркмены тоже ждали влаги в виде дождя.

У туркмен сохранилось также много сказок об арийской птице Симург. Туркменский персонаж Сымруг почти всегда возил героев на сказочную гору, наполненную самоцветами и золотом. А в туркменской повести «Ка-

2.

1.

1. Сакская золотая круглая бляха с изображением грифона. Акуларинский клад (IV в. до н.э.)
2. Гриф, терзающий лося. Скифо-сибирский стиль? Первый Пазырыкский курган. Аппликация (V в. до н.э.)

сым-оглан» выступают сразу две птицы Сымруг-мать и детеныш. Та Сымруг, что принесла живую воду с горы Каф и на которой Касым-оглан совершил путешествие, оказалась детёнышем, но «каждая её нога была величиной со ступку, в которой женщины толкут зерно, голова — с верблюжье седло, туловище — больше, чем туркменская юрта»²³.

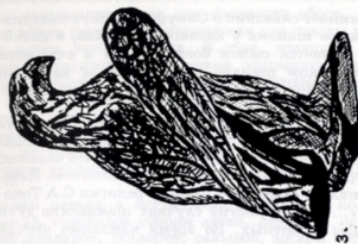
Не случайно герои совершают путешествия на птице на райскую гору, то есть в потусторонний мир — в «страну блаженных». Считается, что в «Авесте», «Ригведе», «Махабхарате», в туркменской и таджикской мифологии и др., т.е. у народов арийского круга, сохранились отголоски шаманизма. По словам Г.М.Бонгард-Лёвина и Э.А.Грантовского, птица считалась создателем шамана, от неё будто бы рождается настоящий шаман. У финнов шаманы считались сыновьями небесного бога-орла, а угорские народы верили, что орёл был первым шаманом и научил людей шаманить²⁴.

Надо отметить, что с образами Симурга и Гаруды тесно связана тюркская птица Каракус, а также хан Гаруди, монгольский Хангарид, бурятский Хэрдиг, алтайский Кереди, тувинский Херети, якутский Харлай²⁵.

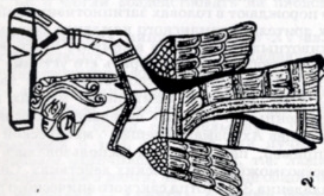
У туркмен было распространено верование в двух огромных птиц Гарагуш какды («чёрная птица ударила») и Гарагуш тутды («чёрная птица схватила») — первая ударила человека по голове своими когтями, а вторая сжимала его своими когтями. Они вызывали у человека сумасшествие²⁶.

По словам этнографа С.М.Демидова Гарагуш (так называли «орла-могильщика») «выступает как некая чёрная зловещая птица, время от времени опускающаяся на того или иного человека и клюющая его в темя, чем объяснялись случавшиеся с ним эпилептические припадки. Поэтому, очевидно, с течением времени название данного персонажа получило в туркменском языке второе, самостоятельное значение «эпилепсия» с производным от него «гарагушлы» — «эпилептик»²⁷.

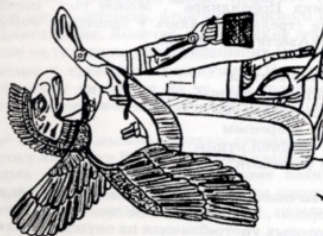
Однако С.М.Демидов почему-то не привёл аналогичные туркменскому Гарагушу широкие представления у многих тюркоязычных народов о птице Каракус. И они не всегда отрицательны. У казахов (Каракус), киргизов (Алп каракуш — «богатырь-орёл»), казанских татар (Каракош) переносит на себе героя в нужное ему место в благодарность за спасение своих птенцов от дракона, что

3.

2.

1.

1. Шумеро-аккадское крылатое божество с головой орла. Прорисовка с рельефа III тыс. до н.э.
2. Хеттский человек с орлиной головой. Прорисовка пластины из слоновой кости II тыс. до н.э.
3. Фигурка орла из Старой Нисы (II-I вв. до н.э.). Серебро с позолотой.

очень напоминает сказания о Симурге. Каракус выступает помощником шамана у казахов и узбеков, в алтайском мифе является сыном бога Ульгена и считается духом-помощником шамана (у телеутов «с медными когтями птица кара-куш», «Ульгена птица богатый-беркут»)²⁸.

Таким образом, те самые «эпилептические припадки» могут не всегда говорить о настоящей болезни; в инскаательной форме могло подразумеваться то, что человек, которого поразила птица Гарагуш, стал шаманом. Известный специалист по ранним формам религии С.А.Токарев писал: «...в очень многих случаях шаманские духи имеют образы животных. Во время камлания шаман обычно кричит, подражая голосам разных зверей и птиц. Кстати такие крики считаются вообще характерными для истерических припадков. Эти крики вполне естественно порождают в головах загипнотизированных, запуганных зрителей шаманского камлания образы невидимых животных, носящихся в темноте и входящих в тело шамана, чтобы оттуда говорить его устами»²⁹.

Атрибуты костюма шамана соответствовали частям тела птицы и её оперению. Сами перья многих птиц являлись священными. «Яшты» передают как главный бог зороастрийцев Ахурамазда вещал о магической силе перьев. Например, перья Симурга использовались при гадании и всевозможных магических действиях. Симург вскормил младенца Залю (отца сакского эпического героя Рустема), которого он нашел в пустыне, а позже исцелил самого Рустема и помог ему сразить заговоренной стрелой противника Исфандияра³⁰. Может быть поэтому перья орла на стрелах считались у азиатских народов лучшими? В «Авесте» говорится:

На колеснице Митры,
Чьи пастбища просторны,
Стрел тыща златоустых,
Хороших, с опереньем
Из перьев хищной птицы
С шипами роговыми³¹.

У тюркоязычных гуинов, называемых китайцами «стрелками орлов», ценился горный лес, где живут орлы, «перья которых употребляются на опушку стрел»³².

Этнограф Н.Г.Ворозна пишет об амулетах среднеази-

атских народов: «Можно заметить, что перьями птиц украшались лишь головные уборы или ювелирные предметы, предназначенные для головного убора, причём самые яркие роскошные украшения для головы должны были иметь пучки перьев. В этом, очевидно, можно усмотреть некоторое стремление подражать внешнему облику птиц, что уводит нас к очень древним религиозным представлениям. Весьма распространены были украшения, включающие когти ястреба, сокола, беркута, филина, орла. Когти птиц укрепляли при помощи мастички, их оправляли в серебро и носили в качестве височных украшений, различных подвесок-амулетов и т.п.»³³.

Пучки перьев и когти птиц крепили к колыбели младенца, головным уборам детей, девушек, невест. У турмен човдунов, гёкленов, салыров, эрсары перья филина продевали в отверстия ушей вместе с серьгой. Считалось, что перья имеют не только охранительное значение, но и могли воздействовать на плодородность человека.

На среднеазиатских миниатюрах XIV-XV вв. и индийских миниатюрах XVI-XVII вв., передающих в основном облик тюркских воинов, некоторые из них изображаются в конических шлемах с перьями на шишаке или большим пером на чалме. То, что все воины на миниатюрах имеют перья, свидетельствует, по мнению Б.Х.Кармышевой о том, что перо или пучки перьев носили наиболее отличившиеся особы, т.е. люди более высокого социального ранга, чем простые общинники³⁴.

Султан из перьев — «джига», носимый воинами на макушке шлема, заставляет думать о том, что именно от этого слова произошло слово «джигит» (храбрец, удалец) и имя, например, отца туркменского героя Героглы-Джигалы-бег. Конечно, туркменские девушки тоже носили на головном уборе украшения (гупбы) перья, вставляемые в трубочку на макушке. Но ученые уже давно обратили внимание на то, что головные уборы незамужних туркменок напоминают боевые шлемы амазонок.

Такой вывод не должен казаться странным. Ведь мы знаем, что у индейцев Центральной и Северной Америки перья орла носили вожди или лучшие воины. Ради примера можно вспомнить, как индейцы-ацтеки, стараясь подчеркнуть свою доблесть и отвагу, называли себя

орлами, украшая себя при этом орлиными перьями. Ацтеки придавали перьям очень большое значение. Известно, что со своих многочисленных колоний они, кроме огромного налога, взымали ежегодно 38880 свёртков птичьих перьев для украшений³⁵.

Вернёмся, однако, в Азию. Тюркские народы приписывали орлу-беркуту особую магическую силу. Не только перья или когти орла служили оберегом, но и сам взгляд этой грозной хищной птицы наводил страх на злого демона в женском облике — албасты. Казахи и кыргызы использовали сверхъестественную силу орла при родах. Когда женщина не могла разродиться, то думали, что ею овладел демон, и поэтому у её изголовья садили ловчего беркута, сняв с него клубочок. «Для этой цели», — пишет Г.Н.Симаков, — годился лишь хорошо обученный смелый и хваткий беркут. Злой дух, по объяснению сокольников, встретив грозный взгляд беркута, пугался его и, перестав мучить роженицу, оставлял её в покое, что приводило к благополучному исходу трудных родов. Однако считалось, что сам беркут после этой победы должен был обязательно погибнуть. По этой причине далеко не всякий охотник соглашался на то, чтобы его предоставить своего беркута для этой цели... Другое же поверье гласит: сокольник, поймав ловчую птицу, кроме беркута, во время работы с ней должен стараться не встретиться с ней взглядом, так как хищные птицы, якобы не выносят взгляда человека. Встретившись с ним, они будто бы впадают в панику, становятся строптивыми и непослушными и даже могут от этого погибнуть»³⁶. В другой своей работе Г.Н.Симаков отмечает: «Разнообразные данные позволяют выделить наиболее древние формы религиозного сознания, которые сменяли одна другую в процессе исторического развития. Самой древней из них является тотемизм, когда древние сообщества людей и иные индивидуумы вели свое происхождение от той или иной хищной птицы, включая и ловчих. Очевидцы в контексте охоты с ловчими птицами и анимистические идеи: так, белый ястреб-тетеревятник считался воплощением души погибшего или умершего своей смертью мужчины (аналогичную функцию выполнял и белый сокол-кречет). Достаточно отчетливо представлены и магические идеи и обряды, относящиеся к самим ловчим птицам, а также к отдельным предметам охотничьего инвентаря (колпачки, насесты, путики и

т.п.). Наконец, ряд фактов свидетельствует и о шаманистской стадии развития религиозно-магических идей, относящихся к охоте с ловчими птицами. Например, ловчий беркут и его хозяин (охотник) выполняли даже в конце XIX в. чисто шаманскую функцию изгнания вредоносного демона «ал барсты» из роженицы с целью обеспечения благополучного исхода родов»³⁷.

В самом деле, уже в самой глубокой древности люди заметили целительные способности хищных птиц. Алишер Навои не случайно писал: «Возьми сокола на руку и укрепляй в себе дух воина и здоровье богатыря».

Давайте предоставим слово председателю Национального клуба сокольников Туркменистана Ата Зебердыеву: «В мировой практике нашло подтверждение то, что в общении человек способен брать энергию при контакте с птицами».

В книге «Целительная сила природы», изданной в 1646 году в Египте, сказано: «Предписал лекарь султану, чтобы тот взял сокола на руку во имя быстрого выздоровления и восседания на трон». О лечебном эффекте контакта человека с соколом писал и Марко Поло в XIII веке: «Возмемо славна, хвальна для души, здоровья и тела соколиная добыча».

Более широкое применение лечение соколом получило в наши дни. Эколого-политологический университет Российской Федерации проводил эксперименты, рекомендуя больным ревматизмом, эндокардитом сердца в течение 5 дней 15-минутную прогулку утром и вечером с соколом на руке. Результаты превзошли все ожидания — болезни отступили. Исследование самого сокола показало наличие сильного по воздействию энергетического поля. А когти воздействуют на нервные окончания, улучшая работу сердца. Экологически чистый вид общения с живой природой имеет огромный лечебный потенциал. Сегодня во многих странах мира практикуют лечебно-оздоровительные сезоны соколиной, ястребиной, беркутовой охоты. Так, работают зоотерапевтические центры по восстановлению здоровья человека в ряде европейских и азиатских стран. А Японская экологическая клиника широко применяет общение с хищными птицами при лечении костных заболеваний, нервного расстройства и т.д. Кстати, большинство сокольников и в зарубежных странах, и у нас доживают до глубокой старости, сохраняя бодрость и здоровье. Поэтому люди

возвращаются после соколиной охоты полные сил и здоровья»³⁸.

У туркмен сохранилось несколько легенд, связанных с хищными птицами. В.Е.Флинт и А.Г.Сорокин пишут: «Тем временем разговор перешел в другое русло и коснулся истоков туркменской охоты с ловчими птицами, ее традиций. Черкез-ага подложил в огонь саксаулину, улыбнулся и поведал такую историю. Жил некогда могущественный падишах, и была у него красавица-дочь на выданье, но уж больно своенравная. Сколько ни приходило женихов — всем на двери указывала. Отец в уговоры, да куда там: «Выйду замуж только за того, кто сумеет построить дворец, висящий в воздухе». Поначалу много было проектов, все же дочь падишаха — невеста хоть куда, пытались даже стаю орлов использовать в качестве подъемной силы, но ни одному из претендентов так и не удалось воплотить свою идею в жизнь. Собрал тогда падишах всех своих визирей, магов и звездочетов, но и мудрецы не смогли дать ответа. В безмерной печали решил владыка призвать подвластных ему зверей и птиц, может, среди них найдется светлая голова. Собрались четвероногие и крылатые, выслушали падишаха и потупили взоры. Вдруг кто-то обнаружил, что среди собрания нет сына, а он горазд на выдумки, голова-то у него вон какая. Только падишах подумал, как бы поскорее найти его, как выходит вперед балобан и говорит, что, если господин позволит, он мигом разыщет отсутствующего и доставит пред светлые очи. Так и вышло: не успели и глазом моргнуть, а сын уже здесь, причем заявляет, что в состоянии решить трудную задачу. Усомнился падишах, так ли уж мудр сын, и решил для проверки загадать ему три загадки. Первая была такая: «Кого на свете больше — мужчин или женщин?» Чуть задумался испытуемый и говорит, что, конечно, женщин. Ведь кроме истинных женщин к их числу должны быть отнесены и те мужчины, кто спешит исполнить все женские прихоти. Понял падишах намек, сверкнул глазами, но сдержался и решил, что хватит загадок. Потом позвал визиря и велел готовить дочь к свадьбе. Сычу в награду за свое прозрение сказал, что забот с пропитанием у него теперь не будет, поскольку он сможет охотиться даже ночью. Не был забыт и быстрокрылый балобан, которому было обещано, что отныне он сможет получать пищу из рук человека. С тех пор якобы и стали

охотиться люди с соколом и кормить его на своей перчатке»³⁹.

Туркменский историк Х.Овнук Аразгельды-оглы рассказал мне красивую легенду, которую, в свою очередь, ему привёл откочевавший с семьёй из Балкана в аул Ходжанепес в Гургене старец Моллаараз.

...Жили пять братьев. Они захотели прыгнуть с Балканских гор; а в ту пору говорили: «Один беркут может на себе нести вес одного барана, а два беркута поднимают двух баранов. Человека же весом в два барана могут нести два беркута». Братья решили похудеть, чтобы соответствовать весу двух баранов. И вот один из братьев, взобравшись на вершину горы, привязал по беркуту к каждой своей руке и, помолившись Аллаху, благополучно прыгнул.

Интересно и заклинание, которое произносят туркмены Ирана (пример Х.Овнук) при тушении огня в очаге:

Йт-йт, одум далда йт,
Далда йтма-чолде йт,
Гуржанкел агтармасын,
Тайтанкел от алмасын.

Лежи-лежи, возле меня лежи, огонь мой,
Возле меня не лежи — в степи ляжь,
Не ищите гурджанкеля,
Пусть не возьмёт огонь тайтанкеля (перевод автора)

По словам информатора, гурджанкель — это морская птица, а тайтанкель — степная.

Наряду с фантастическими образами, в народе сохранилась притча о грифе (гулаты), рассказанная мне академиком М.Аннанепесовым и которая говорит о неспособности грифа к охоте.

...Каждое утро гулаты вылетает из своего убежища с целью поохотиться на джейранов. Долго покружившись над группкой джейранов, он устаёт и решает схватить зайца. Однако, заяц быстро шмыгает в кусты и гулаты говорит: «Зачем мне заяц, я обойдусь и сусликом». Но суслик тоже успевает забежать в свою норку. Уставший гриф, в конце концов, к вечеру садится на помёт лошади и, довольный собой, говорит: «Меня вполне устраивает и эта добыча».

Ленивых и нерасторопных людей туркмены сравнивали с гулаты и при этом рассказывали данную притчу. Здесь нет и намёка на какой-то положительный или отрицательный магический образ грифа. В данном случае проглядывается чисто бытовое наблюдение образа жизни грифов в природе.

Но сохранились ли отголоски почитания священных мифических грифов? Да! Казахский исследователь Е.Турсунов приводит в своей статье уникальный стих, показывающий не только тотемы некоторых казахских родов, но и то, что они ведут происхождение от Огуз-хана:

С вершин Огузских гор
Огуз святой,
Тот, кого мёртвым нельзя
назвать,
Тот, кого живым нельзя
назвать,
Ата Коркыт святой,
Каракерей Кабанбой,
Гусеголосый Казыбек,
Шакшак-улы Жанибек,
Дальний предок (рода) таз
Гриф-стервятник (шойынкара)!⁴⁰

Е.Турсунов не случайно оговаривает, что племя таз (у туркмен тоже есть племя даз, дазлар — «лысые») фигурирует в древности под названием «грифы, стерегущие золото»⁴¹. Многие тюркские исследователи, в том числе и туркменский филолог профессор З.Б.Мухаммедова, считают, что именно о них говорил Геродот, указывая на «плешиных» жителей Азии. Совпадения до того поразительны (горы Огуза-предка тюрков, сам небожитель, племя «лысых», грифы), что можно потеряться в догадках.

Но то, что у туркмен-огузов существовали тотемы хищных птиц — факт вполне достоверный. Согласно Рашид-ад-дину (XIV в.), каждый из шести сыновей Огуз-хана имел свой тотем (онгон), который был передан 24-м внукам предка туркмен⁴².

Старшие сыновья Огуз-хана

Кун-хан	Ай-хан	Юлдуз-хан
белый сокол	орёл таушанджил (охотничий орёл)	
Кайи	Язер	Аушар
Баят	Дукер	Кызык
Ал-караули	Дордирга	Бек-Дели
Кара ули	Япарлы	Каркын

Младшие сыновья Огуз-хана

Кок-хан	Так-хан	Денгиз-хан
кречет уч	кобчик	(или чакры-сокол)
Баяндур	Салор	Бекдир
Бичинэ	Имур	Буклуз
Джаулдур	Алаюнтли	Ийива
Чибни	Уркиз	Кынык

Проходит время и огузские племена становятся настолько сильными, что уже каждое племя имеет свой тотем, причем многие из этих тотемов-онгонов, как можно увидеть из работы Абулгази (XVII в.) «Родословная туркмен» не совпадают с таковыми из сочинений «Огуз-наме» или «Сборника летописей» Рашид-ад-дина (XIV в.). Известный языковед С.Атанязов составил таблицу онгонов согласно сведениям Абулгази, чем мы и воспользуемся⁴³.

№ п/п	Туркменское племя	Их онгоны	Перевод онгона на рус. язык
1.	Гайы	шункар	кречет
2.	Баят	уки	сова
3.	Алка-эвли	кейкенек	мышелов
4.	Гара-ойли	кебк-сары	коршун

5.	Языр	гыргу	перепелятник
6.	Ясыр	турумтай	кобчик
7.	Додурга	гызыл гарчгай	красный ястреб
8.	Дукер	кучкун	коршун
9.	Овшар	жире лачын	белый сокол
10.	Кызык	сарыжа	сарыч
11.	Бекдили	бохри	ворон ✓
12.	Гаркын	сув бургуди	беркут (водный)
13.	Байындыр	лачын	сокол
14.	Бечене	ала тогнак	пёстрый сокол
15.	Чавулдур	бугдайнык	хумай (?)
16.	Чепни	хумай	хумай
17.	Салур	бургут	беркут
18.	Эймир	энжары	?
19.	Ала-йонтлы	ягалбай	кобчик (?)
20.	Урегир	быку	ястреб
21.	Икдир	гарчгай	ястреб
22.	Бюкдюз	ителгу	балобан
23.	Ува	тойгун	белый сокол (?)
24.	Кынык	жире гарчгай	белый ястреб (самец)

Примечателен и тот факт, что основатели туркменосельджукской империи носили имена хищных птиц. По словам великого тюркского филолога Махмуда Кашгари (XI в.), имя Тогрулбега восходит к названию птицы,

которая «уничтожает тысячу гусей, чтобы съесть одного». Имя его брата Чагрыбега также происходит от названия хищной птицы — сокола (огузское «чакры», «чекир»). Чакры являлся тотемом племени кынык, из которого вышли Сельджукиды⁴⁴.

У древних тюрков известны также имена как Чагрытегин, Мухаммед Чакир Тонва Хан, Турумтай (перепелятник; кобчик; дербник), а у туркмен и сейчас популярно женское имя Лачын (сокол), что может свидетельствовать только об одном — в древнейший период религиозное мировоззрение тюрков очень сильно было связано с хищными птицами⁴⁵.

Некоторые туркменские роды и подразделения даже носят в своём имени название хищной птицы: гыргы (ястреб-перепелятник; кобчик) у племени мукры; бургут (беркут, орёл) у эрсары; акгүшлы (белая птица) у эрсары; тарлан (канюк-курганник; сокол) у теке⁴⁶. Интересны и другие туркменские этнонимы: авламыш (тире племени ата) — «охотник»; авчы (тире рода алаша племени сарык), кейикчи (племя, а также тире племени олам) — «охотник на джейранов», мерген (тире племён емрели, салыр, теке) — «стрелок, снайпер», мергенджик (эрсары), мергенли (сарык) мергенчи (эрсары), хомай (тире човдуров) — «священная птица», мюришгар (тире племён баят, олам, салыр) — «распорядитель охоты», гүшчы (тире племён эрсары и хатаб) — «сокольный»⁴⁷.

У многих тюркских народов существуют представления, что некоторые их племена или роды ведут происхождение от хищных птиц. Например, алтайский род дуртас происходил, якобы, от орла с белой головой, а члены сеока меркит (кстати, у туркмен тоже есть племя меркит) — от беркута и хранили в жилищах его когти, а род абыр никогда не убивал беркута, потому что он, согласно преданию, спас их сородича⁴⁸.

Туркменские народные повести, героический и романтический эпосы, произведения классиков поэзии изобилуют сравнениями героев с ловчими птицами, прекрасными в полёте, охотничьими спенками и т.д. Как эпический богатырь Алтай-Вучый, у которого «дни свои на охоте проводить было законом»⁴⁹, туркменский герой Героглы «на охоту выходит, [ловчую] птицу пускает, бьёт в барабан»⁵⁰. В героическом эпосе часты сравнения: «лапа льва, глаза ястреба», «с крыльями сокола, с сердцем льва», «с глазом сокола, с лапой льва Гер-оглы»⁵¹.

А разве не прекрасны строки из песни, которую герой пел богатырше Харман-Дяли:

Гёроглы свободен, словно птица.
Как серебро [сияет] грудь твоя.
Словно сокол, ловчая птица,
Коли схвачу добычу, что скажешь ты?⁵²

В романическом туркменском эпосе, относящемся к XVI-XVIII вв. также описываются сцены охоты. Например, Хемра говорит:

С беками [я] на охоту ходил,
Выйдя на серну, борзых выпускал,
[Ловчую] птицу спускал, в барабан ударял, —
Озёрам с уточками привет [передай].⁵³

А как нежно пел Хемра своей возлюбленной, сравнивая её с «серым тарланом».⁵⁴

Сокол или ястреб — олицетворение свободы. «Я Ширалы — но как мне соколом стать? Как научиться выше солнца взлетать?» — вопрошает герой туркменской повести «Говхар-гыз и Ширалы-бег».⁵⁵

Битва соколов ворону отпугнёт,
Вдаль от них она направит свой полёт,
Сотня уток против сокола не в счёт,
Хоть бы тысяча их стала — всё равно!⁵⁶

Так пишет в стихотворении «Всё равно» великий Махтумкули, как бы воодушевляя туркмен продолжать борьбу за свою независимость. А в поэме «Семь цветов мира» он восхищён ястребом:

Молвит ястреб: «Жизнь мою
Я провёл в лихом бою.
Яд воспоминаний пью,
Врошенный в тюрьму буян».⁵⁷

Наряду с этим Махтумкули Фраги рисует и некий, я бы сказал, не положительный орлиный образ, ведь не надо забывать, что это всё-таки хищная птица:

Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?⁵⁸

(«Лебеди»)

Или же:

Друзьями в доме я забыт,
И птице ловчей путь открыт.
Любовь, как беркут, ум когтит,
И власть её когтей страшна.⁵⁹

(«Две луны»)

Сравнивая любовь с хищной птицей (кто знает, может так оно и есть?), надо помнить, что иногда сокол является и проводником этой любви. В повести «Аслы и Керем» описывается, как Аслы (т.е. царевич Махмуд-сын туркменского падишаха Акгоюны в Азербайджане Зият-хана) познакомился с Керем (т.е. Зохран-дочью Румского падишаха Кара-Мелика), благодаря соколу. Приведём отрывок из этой повести:

«Однажды царевич Махмуд-хан во главе своего отряда выехал на прогулку. По дороге в Карабах он выпустил своего сокола и погнался за ланью. Случилось так, что сокол взвился и полетел прямо в большой сад Кара-Мелика. Это вызвало беспокойство царевича. Он крикнул сопровождавшим его: «Кто осмелится пойти за мной, того я убью». Испугавшись гнева своего повелителя, отряд повернул обратно. Царевич Махмуд погнался за соколом и попал в большой сад. Смотрит: его сокол сидит на чинаре, что растёт на берегу пруда. В это время дочь Кара-Мелика со служанками подошла к пруду. Девушки хотели было искупаться, как вдруг одна из них подняла голову и увидела какую-то красивую птицу на дереве. Она воскликнула: «Госпожа, посмотрите на эту красивую птицу, что сидит на дереве!»

Дочь Кара-Мелика тоже была поражена красотой птицы. Восторгаясь ею от всей души, она сняла с головы красную шаль и протянула её к птице, повторяя: «Вот, возьми». Сокол взлетел, сел на грудь девушки (а её звали Зохра) и вонзил ей в грудь когти так, что сам оказался забрызган кровью. В гневе Зохра приказала отрубить ему голову. Услышав это, царевич в сердцах закричал:

— Эй, негодные, не трогайте мою птицу!

Обнажённые девушки сильно испугались. Зохра разгневалась и говорит:

— Бессовестный ты человек! Твое счастье, что ты — гость, не то не жить бы тебе на этом свете. Ступай к воротам сада, возьми свою птицу.⁶⁰

Не стоит слишком строго судить сокола, ведь он совершенно не виноват в том, что напал на Зохру. Дело в том, что ловчих птиц специально натаскивали на чучело (вабило), подбитое красной материей. Зохра же красной шалью раззадорила сокола, поэтому он и вонзил в неё свои когти.

В качестве посланцев самого Аллаха рассматривает сокола и голубя Махтумкули в стихотворении «Голубь».⁶¹

Речь идёт о том, как в медресе, где читал Коран халиф Али, залетел голубь, умоляя его спасти от сокола.

Лишь умолк он, — в тот предел
Хищный сокол прилетел;
Пред святым он на пол сед
И сказал: «Салам, Али!»

Я летал меж гор и скал,
Я добычи там искал;
Бог мне голубя послал,
Он сюда влетел, Али.

Жалок я! Три дня в пути
Пищи я не мог найти!
Мне добычу возврати!
Жадный голод утоли!

Жалко было халифу голубя, но он знал, что «и сокол прав, в нём от бога хищный нрав». Тогда взял Али нож и решил срезать кусок со своего тела, чтобы накормить хищную птицу. Сокол, схватив в когти нож и не разрешив халифу резать своё тело, молвил:

Мы не птицы — он и я;
Знай: владыка бытия
Нас послал в твой край
Испытать тебя, Али!

Сокол с голубем взвились,
Из мечети унеслись.

И, летя всё выше в высь,
Скрылись в голубой дали.

Ловчие птицы играли большую роль в мировоззрении тюркских народов. У казахов, например, одним из показателей кризиса общества считался:

День, когда сокол, махая навыворот
правым крылом,
Не сумел схватить лебедя!⁶²

А в туркменском эпосе потеря сокола рассматривалась как кара Господа:

Инди билгин, сени Худай урандыр,
Алгыр гушуң шуцкарындан айрылдың.
Теперь знай — Бог тебя наказал —
Ловчую птицу, сокола своего ты потерял.⁶³

Такое благоговейное отношение туркмен к хищным птицам, занимавшим с эпохи древности большое место в мифологии, сказках, эпосе и поэмах не могло, конечно, не отразиться на символике.

Мы уже знаем, что изображения орлов, соколов, фантастических грифов были излюбленной темой скифского, сарматского и гуннского искусства, т.е. у тех древних этносов, которые сыграли выдающуюся роль в становлении туркменского народа.

Особенно для нас интересны геральдические изображения орлов на амулетах-печатах II тыс. до н.э., происходящих из Мерва. Такова медная печать со скорпионом в центре и двумя орлами по бокам. Орлы гордо повернули головы в стороны, распростёрли крылья и распустили хвосты.⁶⁴ Другой амулет из камня рисует летящего орла с черепахой в когтях.⁶⁵ Но самыми многочисленными являются те мервские амулеты-печати, на которых изображены орлы в геральдической позе с гордо повернутой головой, с широко распахнутыми крыльями и распущенным хвостом. На другой стороне амулетов показаны разные сцены: в одной драконы пожирают друг друга, в другой — дракон заглатывает человека, в третьей — орлы нападают на дракона. По мнению археолога В.И.Сарианиди, обе стороны печатей с изображениями, расположенными на одной плоскости, составляют еди-

1. Парящий орел с черепахой в когтях. Каменный амулет из Мерва (II тыс. до н.э.) По В.И.Сарианиди
2. Печать-амулет с изображением орла в геральдической позе. Мерв (II тыс. до н.э.). По В.И.Сарианиди
3. Флаг империи европейских гуинов.
4. Флаг империи Великих Сельджуков (из плаката «Тюрк стандартлари енститюсю», 1996 г.)
5. Пятиглавый орёл, держащий в когтях змею, на штандарте Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши

36

ный тематический сюжет, причём чисто местного происхождения. Он пишет: «Орлы, быки и предположительно, змеи занимали особое место в мифологии Бактрии и Маргианы и были неподвластны драконам. В самом деле, во всех известных случаях орлы всегда показаны в геральдической позе, с гордо повернутой головой и никогда — в оборонительной позиции. Создаётся впечатление, что орлы, быки и змеи составляли благожелательную для человека триаду, неподвластную отрицательным силам, всегда выступающим в образе злобных драконов».

Кто проживал в Южном Туркменистане во II тыс. до н.э.? По мнению археологов, в это время уже широко распространились арийские и туранские племена, осевшие в Мерве, Хорезме, Бактрии. Таким образом, в более поздних турано-арийских воззрениях мы и должны искать продолжение мифологических сюжетов эпохи бронзы. В зороастризме, т.е. религии ариев и туров, реалистический образ орла-борца с драконом, усложняется. Мы видим уже фантастическую хищную птицу Симург (у ариев Индии — Гаруда), которая ведёт борьбу с громадным змеем. Птицу Гаруду даже называют «пожирателем змей». В буддийской иконографии Гаруда изображается со змеей в клюве.⁶⁷ На некоторых изделиях из скифских курганов Северного Причерноморья, датированных VI-V в. до н.э., часты рисунки крылатых существ с собачьей головой, а на золотой чеканке полуорёл держит в клюве голову большой змеи.⁶⁸ Мы можем говорить о том, что среднеазиатские этносы, распространяясь в Восточную Европу, Переднюю и Малую Азию, передавали свои представления о крылатых хищниках. Одноглавый орёл был гербом древних Сумеров (патрюрков),⁶⁹ а также спутником древнехеттского божества — конного воина Пирвы и его двойника-хурритского Шавушки.⁷⁰ Нам известны великолепные золотые изделия из Амударьинского клада, относящиеся к сакскому золоту IV в. до н.э. Это и золотой браслет с фигурками орлиных грифонов на концах, и золотой перстень с львиным грифоном и др.⁷¹ Интересно, что в Средней Азии широко было распространено поверье и в другую птицу — олицетворяющую сияние, символ зороастрийской веры — фарр (авестийское хварно). Тот, кто владеет фарром, тот владел властью на земле. Фарр рисовался в виде разных животных. Самым популярным

37

Парадный парфянский щит с изображением орлов.

символом фарра являлся сокол, а сам фарр выступал в образе птицы Хумай (от перс. «благословенный»). Эта волшебная птица считалась приносящей счастье и из множеств изображений на знамёнах арийцев, была самым излюбленным символом.⁷²

Продолжение традиций почитания грифонов мы видим и в парфянской эпоху. В парфянском искусстве на передний план выходят львиноподобные грифы, например, около 20 экземпляров ритонов с протоной грифа, которые очень тесно связаны с сарматским искусством. Как пишут М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова, «фигуры грифонов отмечены в украшении одеяний парфянских царей Орода I и Фраата IV (I в. до н.э.). Грифон изображен на монетах Фраата IV. В парфянском дворце в Хатре была обнаружена плита, на которой высечены два львиноподобных грифона в геральдической композиции, с поднятой передней лапой, положенной на вазу — не то с антефиксом, не то с лирой на ней. Отношение самих ритонов к аршакидскому заповеднику на Нисе позволяет считать, что именно как культовая эмблема (оберег) и как образ, связанный с династической символикой, могут быть истолкованы львиноподобные грифоны царских ритонов Нисы».⁷³

Как мы видим, изображения хищных птиц несли разную смысловую нагрузку, но были настолько любимыми образами предков туркмен, что мы практически не видим перерыва в их почитании. Парфянские мечи часто имели рукоятки, заканчивающиеся головкой орла, а на парадном щите из Нисы, вокруг вычеканенного царского трезубца среди пальметт раскинули крылья десять орлов.⁷⁴

По словам историка В.Абаза при парфянской династии Арсакидов был принят герб: одноглавый орёл с распушенными крыльями и держащий в клюве змею.⁷⁵

Мы знаем, что в каждом государстве, которое создавалось на территории Туркменистана или же туркменами в Малой Азии, Индии и т.д. существовало много знамен, но среди них почти всегда были знамена с изображениями орла и дракона, или же — орёл присутствовал на гербах и царских атрибутах.

На турецком плакате «Института стандартизации Турции» (Анкара, 1996) помещен флаг империи Европейских гуннов (IV в. н.э.), где на белом полотнище изображен золотой орел с короной на голове, с распушен-

Прорисовка с барельефа
ассирийской эпохи. VIII в. до
н.э. (По В.Е.Флинту и
А.Г.Сорокину)

Прорисовка с барельефа
хеттской культуры в Малой
Азии XIII в. до н.э. (По
В.Е.Флинту и А.Г.Сорокину)

ным хвостом и широко распахнутыми крыльями. У туркмен — сельджуков на знамени вышивался орёл (по одним данным одноглавый, по другим — двухглавый).⁶⁶

На посуде и других бытовых предметах сельджукского времени были популярны изображения одноглавых и двухглавых орлов. Таковые имеются и на тканях Средней Азии XI-XII вв.⁷⁷

Известно, что изображение хищной птицы Симург стало эмблемой государства туркмен Сефевидов (XVI-XVII вв.) наряду с его государственным гербом,⁷⁸ а на флаге вышит дракон.

Летящий сокол вплетается в рисунок и туркменского серебряного украшения гойнач-уджи («змея»).⁷⁹ Не видим ли мы здесь опять присутствие хищной птицы и змеи?

В связи со всем сказанным выше, мы можем сделать вывод, что символ гордого орла, мотив борьбы хищных птиц (добрых существ) со змеями или драконами (порождение зла) прошёл с предками туркмен, несмотря на смену разных религий, четыре тысячи лет. По крайней мере, первые такие рисунки на территории Туркменистана относятся ко II тыс. до н.э.

13 июля 1996 г. был принят «Закон Туркменистана о штандарте (флаге) Президента Туркменистана», который определил символ президентской власти в Туркменистане в виде пятиглавого орла золотистого цвета со змеей в когтях, помещённого в центре зелёного полотнища наряду с элементами Государственного флага Туркменистана (полумесяц и пять пятиконечных звёзд белого цвета в левом углу). На древке оригинала штандарта (флага) крепится серебряная скобка, на которой выгравированы фамилия и имя Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши.⁸⁰

Поистине, удивительно живучи традиции древнего народа, берущего истоки с дописьменных времён.

ГЛАВА II

ИЗ ИСТОРИИ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ

Джигиты шаль спешат вокруг стана
затянуть,
И с ловчим соколом в опасный скачут
путь.
И ветру влажному лань подставляет
грудь:
Оленьим зовом полн весь небосвод
Гюргена!

Махтумкули. «Гюрген», XVIII в.

«Охота, охотник!..» Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. «Ну, это уж его охота, уж он охотник», — говорят, желая оправдать или объяснить, почему так неблагоприятно или так странно поступает такой-то человек, в таком-то случае... и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет! Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передаётся воспитанием, возбуждается примером окружающих; но мы часто видим, что сыновья, выросшие в доме отца-охотника, не имеют никаких охотничьих склонностей и что, напротив, дети людей учёных, деловых... никогда не слыхавшие об охоте, делают с самых детских лет

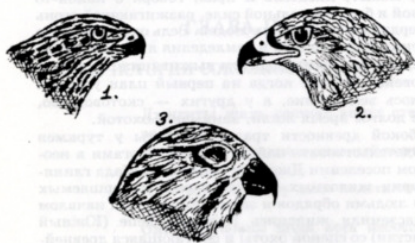
страстными охотниками. Итак, расположение к охоте некоторых людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, как врождённая наклонность, бессознательное увлечение...», — так писал в прошлом столетии об охоте известный русский писатель С.Т.Аксаков (1791-1859) — сам заядлый охотник с ловчими птицами и борзыми собаками.¹

А что, может, писатель и прав, говоря о какой-то врождённой и бессознательной силе, разжигающей огонь охоты в сердцах современных людей. Ведь охота, задолго до появления скотоводства и земледелия являлась практически единственным средством выживания первобытного человека. И даже когда на первый план у одних выдвинулось земледелие, а у других — скотоводство, люди ещё долгое время жили, занимаясь охотой.

О глубокой древности традиций охоты у туркмен могут свидетельствовать найденные археологами в неолитическом поселении Джейтун около Ашхабада глиняные фигурки животных и изображения совершаемых древними людьми обрядов и заклинаний перед началом охоты; настенная живопись Пессежик-депе (Южный Туркменистан) со сценой охоты и считающаяся древнейшей в мире, наскальные рисунки в пещерах Большого Балхана (Западный Туркменистан), содержащие сцены одиночной и групповой охоты, изображения оружия и животных.

Разнообразная фауна Туркменистана позволяла туркменам вести охоту на диких баранов, козлов, джейранов, волков, лис, медведей, барсов, тигров, зайцев, куropаток, перепёлок, уток, гусей, фазанов, дроф, диких голубей и других животных и птиц. Среди туркмен были известны исключительной смелости охотники (мергены, миришяры, авчы), знавшие все повадки животных. Нередко им приходилось вступать в единоборство с крупными хищниками, обматывая одну руку одеждой или кошмой и подставляя её зубам зверя. Впившегося в руку хищника били охотничьими ножами в сердце. Правда, иногда такие схватки оканчивались трагически для самого охотника.²

В эпоху античности и средневековья значительное развитие получила охота на конях. Конная облава позволяла пополнить запасы всего племени или армии перед выступлением в военный поход. Интересно, что обычаи запрещали убивать животных сверх меры. Уча-

1. Ястреб-тетеревятник;
2. Ястребиный орёл;
3. Сокол-балобан.

стники облавы знали свои потребности и брали заранее оговоренное количество добычи, остальных загнанных животных выпускали из плотного кольца на волю.

У средневековых туркмен охота носила военно-воспитательный и учебный характер. Юноши, оказавшись на охоте, получали шанс отличиться, показать своё мастерство в стрельбе из лука, метании копья, проявить личную доблесть. Два раза в год у туркмен-огузов проходила облавная охота, длившаяся около 15 дней. Это были настоящие тактические учения. В полном боевом порядке вся армия сосредотачивалась на огромном пространстве, где соблюдались все действия боевой обстановки. Хан назначал своего заместителя распорядителем охоты (эмир-и шикар), собирал беков правого и левого крыльев, а также личную гвардию (огланов), которые вырабатывали план действия, назначали сторожевые пикеты, выставляли часовых, выдавали пароль. Огромные массы зверей загонялись в одно место, и при этом отрабатывались различные приёмы окружения. На заключительном этапе войны показали чудеса ловкости и храбрости. Один на один отважные охотники выходили на глазах всего племени на поединок с тигром, барсом, кабаном или медведем. Проявившие себя войны награждались лично верховным правителем и заслуживали похвалу всего войска. Если кто попадал стрелой в тигра, тому подвязывали у локтя тигровый хвост (кутас). За удачное попадание в птицу жаловался на голову султан (джига). Сбранную на охоте добычу вялили и сушили, готовившись к зиме или походу.⁵

В облавной и одиночной охоте туркмены активно использовали борзых собак (тазы) и ловчих птиц (алгыр гуш). Наряду с пастушьей собакой (алабаем), тазы использовались на территории Туркменистана с самых древних времён, о чём говорят находки останков разных пород собак: например, на городище Гяур-кала (античный Мерв), средневековом поселении Арап-хана (на Амударье) и др.

Особый ореол таинственности сложился вокруг соколиной охоты, которую теперь принято считать привилегией избранных. Соколиная охота в каком-то смысле венец мастерства, наивысшее достижение человека, не только приручившего дикую птицу, но и заставившего её служить своим интересам.

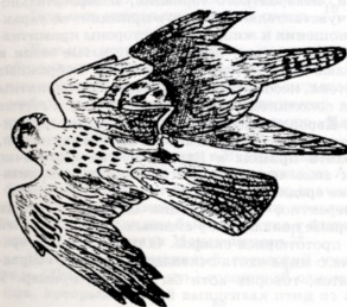
Природный мир Туркменистана очень разнообразен.

Здесь встречаются 33 вида хищных птиц, из 52-х подвидов которых 19 — гнездятся, а остальные бывают пролётом или зимуют. Перечислим их: рыжеголовый сокол (шахин), тундровый сокол, кавказский сокол, лаггар, туркменский балобан, обыкновенный дербник, степной дербник, кобчик, западная обыкновенная пустельга, степная пустельга, западносибирский тетеревятник, уральский тетеревятник, кавказский тетеревятник, туркестанский тювик, европейский тювик, европейский перепелятник, сибирский перепелятник, степной лунь, полевой лунь, луговой лунь, западный болотный лунь, красный коршун, европейский чёрный коршун, сибирский чёрный коршун, орлан белохвост, орлан долгохвост, стервятник, белоголовый сип, серый гриф, бородач, ястребиный орёл, орёл-карлик, малый подорлик, большой подорлик, восточный степной орёл, западный степной орёл, могильник, беркут, западный зимняк, восточный зимняк, центральноазиатский зимняк, курганник, кавказский сарыч, рыжий сарыч, восточносибирский сарыч, змееяд, осоед, скопа.⁴

В качестве ловчих птиц использовали разные виды соколов и ястребов, а из орлов — беркута. Следует отметить, что некоторые виды и подвиды хищных птиц до сих пор не получили чёткой видовой принадлежности. Лишь самые опытные охотники-туркмены могли их различить, для большинства же любой крупный хищник — беркут, более мелкий — ястреб или сокол. Путаница в определении видов хищных птиц прослеживается и в терминологии туркмен. Иногда одним словом обозначали не только подвиды, но и разные по отношению друг к другу виды птиц. Специалисты и сами путаются, к какому типу отнести ту или иную птицу. «Как отличить простому охотнику или чабану один вид пернатого хищника от другого, — пишет известный орнитолог Ральф Пфеффер, — если даже квалифицированные специалисты орнитологи в этом часто затрудняются». Это проявляется даже в отношении одного вида семейства соколиных (Falconidae) — балобана. По этому поводу Р.Г. Пфеффер также отмечает: «Внутривидовая систематика балобанов — один из самых запутанных вопросов современной орнитологии. Разными исследователями признаётся от двух до шести разных подвидов соколов. И как раз наибольшие разногласия и споры были связаны с вопро-

1. Морской орел. По "Библейской энциклопедии" (1891 г.).
2. Братские игры соколов-балобанов. По Р.Пфефферу.

сом: какие птицы населяют горы Алтая, Джунгарии и Восточного Тянь-Шаня, а следовательно, и Турайгыр. Их относили то к одному, то к другому подвиду балобанов, долгое время считали особым подвигом кречетов и даже самостоятельным видом, так называемым соколом Лоуренца»⁶.

Возникновение соколиной охоты (а в это понятие включается охота с любыми ловчими птицами) уходит своими корнями в глубокую древность. Союз человека и хищной птицы, по мнению исследователей, возник первоначально у азиатских народов, и ко II тыс. до н.э. относится самое раннее изображение охотника с птицей на руке (барельеф из Вавилона, возраст которого около 3600 лет).

Авторы энциклопедического труда «Сокол на перчатке» В.Е.Флинт и А.Г.Сорокин (известные российские орнитологи) специально отмечают: «Самые древние свидетельства существования соколиной охоты приходят к нам с Востока, и, по-видимому, можно считать доказанным то, что именно Ближний, Средний или Дальний Восток первыми видели содружество соколов и ястребов с человеком. С Востоком связаны первые великие цивилизации мира, а соколиная охота, несомненно, является продуктом цивилизации: ловчие птицы не разводятся в неволе (во всяком случае, не разводились в те далекие времена), каждая птица должна была быть поймана и индивидуально обучена, а это требовало избытка свободного времени, невероятного терпения, изобретательности и особой чувствительности, что в принципе не характерно для отношения к животным со стороны примитивных народов. Кроме того, широкие, открытые степи и равнины, голые пологие горные склоны и безбрежные пустыни Востока, несомненно, были более благоприятны для развития соколиной охоты, нежели болота и густые леса древней Европы, населенные варварскими германскими и славянскими племенами. По всей вероятности, соколиная охота пришла в Европу в уже достаточно совершенном виде через каналы исламских цивилизаций на рубеже средних веков»⁸.

Вполне вероятно, что традиция охоты с ловчими птицами впервые появляется у степных этносов Средней Азии, т.е. у прототюрков-скифов. О том, что для европейцев древнего мира охота считалась занятием «варваров» — азиатов, говорит хотя бы и такой пример. У

одного из «скифских» этносов-парфян (предков туркмен) некоторые правители настолько полюбили иностранные обычаи (греческие и римские), что стали забывать свои собственные. Известно, что парфянские беки предъявили обвинение царю Ванону I (8-12 вв. н.э.), воспитанному в Риме, именно в том, что он, перенея римский образ жизни, отступил, по словам античного историка Тацита, от обычаев предков, «...охотился редко, с лошадьми не возился, по городам являлся в носилках»⁹.

Где бы ни появлялись среднеазиаты, они везде приносили с собой традиции облавной конной охоты с ловчими птицами. Персидские и индийские цари перенимали эти обычаи, делая их привилегией избранных. Для нас интересно описание охоты персидского царя Хосрова у Фирдоуси (XI в.):

Почувствовал как-то владыка Хосров
Желание в степь устремиться на лов.
Готовиться стал, как владетельный царь,
Какие державою правила встарь.
Шли триста коней златоуздых вослед
Парвизу, чьей славою полнится свет.
И пеших шли тысяча сто шестьдесят
Царевых окольных, чьи копья блестят.
Шли тысяча сорок с мечом, с булавой,
В кольчугах, чей блеск взял бы верх над парчой.
Сокольныхчих дальше бежали семейств,
При них сокола наилучших пород...¹⁰

Дальше шли 300 человек, которые вели на цепях обученных гепардов, 70 львов и тигров, 700 собак. За ними следовали на верблюдах 200 музыкантов, ещё 500 верблюдов везли шатры, еду, благовоения, а впереди шли жрецы, орошающие мускусом землю. Царя окружала свита из 300 молодых князей.¹¹

Следует отметить, что в Европе соколиная охота появилась также вместе с приходом туда из Азии скифов и фракийцев, которая была перенята сначала только кочевыми европейскими племенами кельтов. Считается, что данная традиция была известна у фракийцев уже во времена Александра Македонского.¹²

Например, знаменитый греческий ученый Аристотель (384-322 гг. до н.э.) говорит об одном жителе Фракии, который палкой выпугивал птиц из густых зарос-

лей болота, а ястребы бросались на них и гнали на охотника. Фракиец сбивал птиц палкой, а те, которых он не успевал захватить, становились добычей ястребов.

Через несколько сот лет философ Элиан (III в. н.э.) также указывал на охотников-фракийцев (бывших азиатов, поселившихся в Европе), которые фактически единственными среди европейских народов оставались заядлыми любителями соколиной охоты. В своей работе «История животных» Элиан пишет: «Ястребы не менее, чем орлы, пригодны для охоты на уток и гусей, поскольку они скоро становятся ручными, привыкают к человеку и мало уступают орлам по величине. Как мне известно, во Фракии они помогают людям охотиться на болотах. Люди расставляют сети и прячутся, а ястребы, летая над болотом, пугают птиц, которые попадают в сети. Люди делятся с ястребами добычей, а те приучаются видеть в них кормильцев и охотно летят навстречу».¹³

У тюркского поэта Низами Гинджевии (XII в.) в поэме «Искандер-наме» говорится о том, как каган тюрков дарит Александру охотничьего сокола и коня.¹⁴ И хотя у поэта смешаны в поэме эпохи и события, данный факт указывает на то, что именно от тюрков греки получают прирученных соколов. Кстати, у Низами имеется специальная поэма под названием «Выезд Хосрова на охоту».¹⁵ А в «Повести о соловье и соколе» поэт рассказывает: сокол потому пользуется почётом и сидит на царской руке, что он молчалив, а сладкоголосый соловей живёт в унижении и питается червями.¹⁶

Скифские племена являются предками многих тюркских и монгольских народов. Поэтому мы видим в средние века массовое распространение соколиной охоты, да и охоты вообще, грандиозной по своим масштабам, именно у тюрков и монголов. «Мое сердце жаждет охоты», — говорил легендарный предок туркмен Огузхан своим сыновьям.¹⁷

В IV в. н.э. в Восточную и Центральную Европу врываются гунны-тюрки (одни из предков туркмен). С.В.Безобразов считает, что именно с этого момента, т.е. с эпохи великого переселения народов, европейские монархи проявляют интерес к соколиной охоте.¹⁸ В скандинавской саге о Тидреке Бернском (XI-XIII вв.) рассказывается о том, как Аттила (великий император европейских гуннов IV в. н.э.) ездил «в лес, что зовётся

Девушка с соколом. прорисовка с иранской миниатюры XVII в.
(По В.Е.Флинту и А.Г.Сорокину)

Прорисовка с иллюстрации из книги Фридриха II Гогенштауфена «Искусство соколиной охоты»
(По В.Е. Флинту и А.Г. Сорокину)

Лиравальд, охотиться на зверей и птиц с ястребами и собаками».¹⁹

Об охоте, как об исконно тюркском обычае, говорит великий Махмуд Кашгари (XI в.) в «Словаре тюркских наречий». Туркмены-сельджуки, завоевавшие всю Среднюю Азию, Иран, Переднюю и Малую Азию, Закавказье, естественно, соблюдали старинные традиции охоты. Во времена двадцатилетнего царства третьего великого Сельджукида Джелал-ад-дина Абул-Фатха Меликшаха (1072-1092 гг.) была написана специальная «Книга охоты», описывающая церемонию султанской охоты.²⁰ Меликшах был заядлым сокольников, и даже в военных походах его сопровождали сокольные, возившие с собой множество охотничьих птиц. Сирийский историк Камал ад-дин (1192-1262 гг.) писал, что когда в ал-Асарибе сокольный отнимал у жителей кур, чтобы кормить в дороге хищных птиц, Меликшах, узнав об этом, пригрозил тому строгой расправой.²¹ и сокольный на обратном пути вернул кур хозяевам.

О большой важности соколиной охоты у туркмен средневековья говорит и тот факт, что, например, у Сельджуков Румского султаната великий везир Сад-эд-дин Кобяк одновременно занимал должность «великого эмира охоты».²²

Хорошо обученная птица ценилась невероятно высоко во всей Азии. Арабские авторы X в. указывали, что в Нисе водились прекрасные соколы, вывозимые в восточные страны.²³ Сельджукские султаны в качестве самых дорогих подарков дарили соколов многим европейским монархам. Интересно, что султаны сами заботились об охотничьем снаряжении, собственноручно кормили лошадей, гончих и борзых собак, а также соколов, обучая их различным приемам.²⁴

Во время первых крестовых походов, которые были направлены против туркмен Малой Азии, происходили не только сражения, но и обмен культурами. Как считает Г. П. Деметев, европейцы вывели в свои страны много соколов, а именно представителей вида тундрового сокола, называемого по арабски бахрин (у туркмен — бахри, бехри), что в переводе означает «странник». Отсюда не только европейское «пилигрим» (перегрин) — «странник», но и возникновение современного названия тундрового сокола и близкого ему рыжегого сокола-шахина: peregrine.²⁵

После крестовых походов европейские правители уже окончательно утвердили при своих дворах традиции соколиной охоты. Короли Англии, Франции, Германии частенько тешили себя охотой с ястребами и соколами. Из заядлых охотников особо известен германский монарх Фридрих II Гогенштауфен, а французский король Людовик XIII, говорят, охотился с соколами чуть-ли не каждый день, и великолепие его охоты поражало современников.

Фридрих II Гогенштауфен (1195-1250 гг.), кроме того что он был одним из великих королей Европы, являлся знаменитым ученым своего времени. Он написал целый ряд работ по математике, философии, естествознанию, архитектуре, свободно владел шестью западными и восточными языками. Около замка Фоггиса Фридрих организовал крупнейший в Европе зверинец, где содержались слоны, львы, верблюды, охотничьи гепарды и другие животные.

Самым любимым занятием Фридриха являлась соколиная охота. Именно под влиянием германского императора она получила в Европе не только широкое распространение, став привилегией аристократии, но и приобрела свои законченные формы. Фридрих оставил миру свою знаменитую книгу «Искусство соколиной охоты» (книга существовала сначала в рукописи, написанной на латыни, потом была напечатана в 1596 г. в Баварии и много раз переиздана). Работа Фридриха — не просто исторический документ, но и прекрасный труд по орнитологии, превосходящий множество открытий будущего. «Искусство соколиной охоты» состоит из 6 частей с главами, одна из которых называется «Соколиная охота» — самое благородное искусство охоты». В ней впервые дается пояснение термина охоты, почти совпадающее с современными определениями: «Искусство охоты представляет сумму человеческих знаний, направленных на овладение (силой или хитростью) животными для пользы человека... Сама по себе охота представляет не что иное, как физическое и духовное испытание человека во время ловли животных».²⁶

Фридрих II писал свой знаменитый труд около 30 лет собственноручно. Нет сомнений в том, что он использовал не только опыт Европы, но и опыт тюркских (в том числе и туркмен-огузов) народов, против которых он воевал во время крестовых походов. Он собрал вокруг

Охотник с соколом и борзой собакой.
Прорисовка с миниатюры XVII в.

Принц на охоте. Прорисовка с
индийской рукописи XVIII в. (По
В.Е.Флинту и А.Г.Сорокину)

себя лучших специалистов Азии и Европы своего времени, о чем сам и пишет во введении: «Мы исследовали и изучили с величайшим тщанием и в мельчайших деталях все, что относится к этому искусству, упражняя мысль и тело, так что мы можем сейчас описать и объяснить все плоды собственного познания и опыта, полученного другими. Мы за большую плату собрали отовсюду лучших мастеров искусства соколиной охоты. Мы поселили этих экспертов в наших владениях, прислушиваясь к их мнениям, оценивая важность их знаний и запоминая все самое важное из их слов и действий».²⁷

Подлинного своего расцвета соколиная охота в Европе переживала в XVI-XVII вв. в эпоху Ренессанса. Многочисленные короли, графы, бароны, принцы считали такую охоту привилегией аристократии. Это отразилось и в искусстве.

Появились многочисленные полотна, гравюры, скульптуры, связанные с темой соколиной охоты. Среди них особенно известны портреты Роберта Чеземана (сокольник английского короля Генриха VIII), Филиппа Красивого (король Нидерландов и Кастилии), Умберто де Сакрати (соратник правителя Милана Франческо Сфорца), принца Христиана Людвиг Брауншвейгского и т.д. Особенно интересна фреска с изображением папы Льва X (1513-1521 гг.) во дворце Авиньона, где папа изображен с тетеревятником, сидящим на правой руке. С расцветом соколиной охоты расширяется и сам круг применения хищных птиц. Например, в Англии даже было предписано каждой социальной категории охотиться с определенным видом хищных птиц. В книге «Почтения святого Албаса» (1486 г.) приводится следующая таблица:

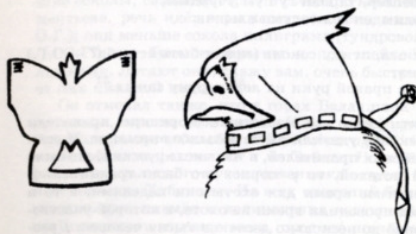
Императору — беркут
Королю — кречет
Принцу — сапсан (самка и самец)
Герцогу — сапсан (без уточнений)
Графу — сапсан (самка)
Барону — сапсан (самец)
Рыцарю — балобан (самка и самец)
Сквайру — ланнер (самка и самец)
Даме — дербник
Юноше — чеглок

Крестьянину — тетереvятник (самка)
 Бедняку — тетереvятник (самец)
 Священнику — перепелятник (самка)
 Служке — перепелятник (самец)
 Бродяге — пустельга.²⁸

Расцветала культура соколиной охоты и в Азии, имеющей древние традиции. Автор эпохи сельджукидов Унсур ал-Маали Кайковус в книге «Ковуснама» (написана в 1032-1083 гг.) отвел место специально главе «Относительно охоты», где пишет: «Когда охотишься с соколом, то цари поступают двойко: цари Хорасана не пускают сокола с руки, у царей же Ирака обычай такой, что пускают они его собственной рукой. И то и другое можно, ибо если ты не будешь царем, как хочешь, так и делай, а будешь царем и захочешь пускать сам, то и это можно. Только ни одного сокола не пускай больше одного раза, ибо царям не годится пускать сокола два раза.Пусти один раз и смотри, возьмет он дичь или нет, а потом бери другого, а того пусть разыщет соколиничий. Ведь целью царя на охоте должно быть развлечение, а не добывание пищи».²⁹

Европейские авторы оставили нам описание соколиной охоты у тюркских племен времени монгольского владычества в Центральной Азии, Китае и Восточной Европы. Совершивший в 1253-1255 гг. путешествие в Монголию монах-минорит Вильгельм де Рубрук, проезжая по Центральной Азии, отмечал: «У них есть в большом количестве соколы, кречеты... всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда они выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. И так, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания».³⁰

Здесь стоит позволить себе сделать небольшое отступление. Рубрук отмечает, что монголы носят ловчих птиц на правой руке. В самом начале нашей работы указывалось, что современные русские, казахи, киргизы носят птиц на правой руке, туркмены же и народы западной Европы носят этих хищников на левой руке. Это заставляет меня предположить, что традиции охоты в Западно-европейских странах были заимствованы именно у

Ключучок (По В.Е.Флинту и А.Г.Сорокину).

туркмен-огузов, а у русских, казахов, киргизов, а также средневековых монголов преобладал, вероятно, кыпчакский обычай ношения хищных птиц на правой руке. Правда, мы предполагаем также, что до кыпчакского, времени в Киевской Руси вполне могли бытовать и огузские обычаи, вытесненные впоследствии монгольскими обрядами. В туркменском эпосе «Хурлукга и Хемра» герой сокрушается, говоря:

Ага-беглер, тарлан гушум учурдым,
Саг элимден сол голума алынча.

Беки-ага, птицу-сокола (может быть ястреба? — О.Г.) я упустил,

Пока с правой руки на левую руку сажал.³¹

Практически все известные тюркские правители средневековья уделяли охоте большое внимание. И если у европейских правителей, в том числе русских, это было царской потехой, то у тюрков это было традицией. В благоприятное время для охоты они неделями, а то и месяцами проводили время на охоте, в которой участвовали порой до нескольких десятков тысяч человек. Древнетюркский каган Тун Ябгу, например, даже и не подумал возвращаться с охоты, встретив китайское посольство. Он велел им ждать своего возвращения. Средневековый роман о султани Бейбарсе, правившем Египтом с 1260 по 1277 гг. изобилует сценами о том, как тюркские султаны и падишахи Египта и Малой Азии весной выезжали на охоту, сопровождающиеся пирами и празднествами.³² Железный Хромец-Тамерлан тоже был заядлым охотником и очень ценил ловчих птиц. Известно, что когда Тимур в январе 1391 г. пошёл войной на хана Золотой Орды Тохтамыша, то последний прислал послов, которые преподнесли великому среднеазиатскому «девятой великопных жеребцов и королевского сокола».³³ Большим любителем соколиной охоты являлся османский султан Баязид I (1360-1403 гг.), охотничий двор которого обслуживали шесть тысяч сокольников и семь тысяч псарей!³⁴

Грандиозность масштабов соколиной охоты тюркских правителей до того поражает современного читателя, что может закрасться сомнение в подлинности охоты с участием многих тысяч людей, собак, ловчих птиц и т.д. В

самом деле, нет ли тут некоторой утрированности, допускающей древними авторами, дабы возвысить величие какого-нибудь государя? Вполне возможно. Но даже и в этом случае в масштабности охоты тюркских царей сомневаться не приходится.

Итальянский путешественник XIII в. Марко Поло, описывая охоту верховного кагана монголов Хубилая, специально оговаривает: «...кто сам не видел его великолепия, его дел и потех, тот и не поверит тому, что я говорил».³⁵

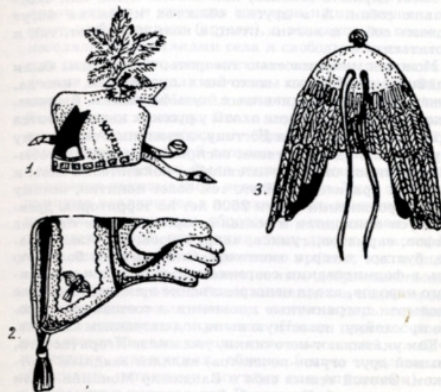
Однако, начнём по-порядку. Проезжая через Персию, Марко Поло отмечал: «В тамошних горах водятся лучшие соколы, самые быстрые в свете (по мнению Г.П. Деметьева, речь идёт о рыжеголовой соколе-шахине. — О.Г.); они меньше сокола пилигрима (тундрового сокола — О.Г.); по брюшку красны и под шейкой, между лямками. Летают они, скажу вам, очень быстро, не уйдти от них никакой птице».³⁶

Он отмечал также, что в горах Бадахшана «водятся красивые, сероголовые соколы [Falco sacer], летают они быстро; есть тут и балобаны [Falco cherrug]». С соколами-балобанами охотились и на Тибете. Но особенно поразила итальянского путешественника встреча с верховным каганом Хубилаем. Из всех описаний быта тюрко-монгольских племён и великолепия каганской ставки, нас интересует, прежде всего, предмет исследования. В китайских горах Шанду Хубилай держал множество зверей (олений, антилоп и т.д.), которыми он кормил своих соколов, проводываемых им каждую неделю.

По словам путешественника, у великого кагана «...орлов, приучаемых ловить волков, лисиц, антилоп, ланей, у него также много, ловят они всех зверей вдоволь; а те орлы, что приучены волков ловить, — большие и сильные; нет такого большого волка, которого не поймал бы этот орёл...»³⁷

На охоту каган выезжал в марте после зимовки: «Когда великий хан едет на охоту, по одну его сторону едет один брат со своими десятью тысячами ловчих и со своими пятью тысячами собак, а по другую со своими десятью тысячами ловчих и со своими собаками другой. Идут вплотную, один за другим, растянутся на целый день пути и всякого зверя излавливают. Любо посмотреть и на охоту, и на собак, и на охотников, заглядишься, скажу вам, на великого хана, когда он и князя

...тогда, когда великий хан...
 кругом его скачут с кречетами по равнине, а собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей... Берёт он (Хубилай — О.Г.) с собою десять тысяч сокольников, да пятьсот кречетов, да соколов-пидигримов, да сероголовых соколов; берёт ещё с собою ястреба ловить водяную птицу. Всех их он не держит в одном месте; расставит их там и сям, так они и охотятся, а птиц, что наловят, по большей части несут великому хану. Когда великий хан отправляется на охоту со своими соколами и другими птицами, добрых десять тысяч человек с ним: расставляет их парами; называются они тоскаор, а по-нашему сторож; они сторожат, а как станут парами там и сям, так места займут много; у всякого есть свисток и колпачёк, могут и призвать птицу, и держать её, а когда великий хан прикажет запустить птиц, тому, кто выпускает, нет нужды идти за ними следом, потому что, как и вам сейчас говорил, всюду расставлены люди и сторожат птиц, и куда бы они ни полетели, они за ними, и коль нужно им помочь, помогают. У птиц великого хана, а также у птиц других князей, к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто её держит; как поймут птицу, тотчас же знают, чья она, тому и отдают. А когда не знают, чья птица, несут её к князю буларгей; зовут так того, кто стережёт добро без хозяина... Ездит великий хан всегда в прекрасном деревянном покое, на четырёх слонах; внутри покой обит сукном, вытканном золотом, а снаружи обтянут львиной кожей. Берёт он с собою дюжину лучших своих кречетов да сидят с ним для компании и развлечения несколько князей. Так-то едет он в том покое, на слонах, а другие князья скачут кругом. «Царь, — скажут они ему, — журавли летят» — и тотчас же приказывает он раскрыть сверху покой и пустит его, и зачастую тот издавливает журавля; а великий хан видит все это со своего ложа, и велика ему потеха и удовольствие. А все другие князья и рыцари скачут кругом великого хана. Никто не поверит, чтобы у кого на свете было столько потех и удовольствий, как у великого хана... для кречетов, соколов, для птиц и зверей есть многое множество палаток. В этой ставке просто диво, сколько народу. Она кажется самым многолюдным на свете городом. Отовсюду сошлось сюда народ, да ещё с домочадцами. За

1. Клубочок
 2. Перчатка
 3. Вавило. (По В.Е.Флинту и А.Г.Сорокину).

великим ханом сошлось сюда множество его врачей, звездочётов, сокольников и других чинов».³⁹

Как говорит Марко Поло, ставка кагана до того была пышна, что иному царю и не заплатить даже за три палатки, украшенными мехами, кожей и золотом. Проживая в весенней ставке, верховный правитель всё время

охотился. Никто не имел права охотиться в царском заповеднике. А кроме того, «...кругом тех мест, где живёт великий хан, на двадцать дней пути, никто, ни один купец, ни один ремесленник, ни один крестьянин не смеет держать соколов, или ловчих птиц, или охотничьих собак. А в других областях и землях могут держать собак и ловчих птиц, а коль пожелают, так и охотиться».⁴⁰

Можно с уверенностью говорить, что таковы были традиции охоты всех восточных правителей, иногда, может быть, проходившие с чуть меньшим блеском. Таковы были и традиции охоты у русских царей. Тяготая корнями и культурой к Востоку, а именно, к тюркскому миру, Русь с удовольствием восприняла тюркский обычай соколиной охоты, считавшейся показателем силы и богатства правителей. И это тем более понятно, потому что на протяжении почти 2500 лет на территорию древней Руси приходили и оседали тюркоязычные племена скифов, сарматов, гунов, авар, огузов, кыпчаков, хазар, булгар, татар и монголов. Они сыграли большую роль в формировании современных русского и украинского народов, входя непосредственно в их состав или же основывая пограничные поселения и составившие особую прослойку, известную ныне под названием казаков.

Как указывают источники, уже князь Игорь (кстати, большой друг огузов-печенегов) являлся заядлым охотником. Охотой тешил себя и Владимир Мономах. Если об охоте князей Киевской Руси практически ничего неизвестно, то об охоте князей Московской Руси и, тем более, царей Российской империи имеются конкретные письменные свидетельства.

«Первые московские князья — писал в 1903 г. Н.И. Кутепов, — интересуются охотой больше с фискальной точки зрения, как важной статьёй государственного бюджета, чем с точки зрения забавы, до известной степени, в силу традиции, обязательной для князей. Иван Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской ревниво оберегают свои «сокольные и ловчие пути». Время Василия III может считаться временем пышного расцвета великокняжеской охоты на Москве... Об охоте Бориса Годунова до нас дошёл только один рассказ Горсея, из которого видно, что Годунов был соколиный охотник. Охота с ловчими птицами, повсюду в мире известная с самой глубокой древности как истинно Царская забава,

исконна и у нас производилась князьями. Из князей Южной России наиболее страстным любителем охоты с ловчими птицами был Игорь Северский (кон. XII в.). Охота с ловчими птицами производилась при помощи ястребов, соколов и кречетов «выношенных», т.е. приученных ловить диких птиц и мелких животных. Для ловли соколов и кречетов государи наши отправляли на север особые ватаги (артели), с атаманом во главе, или населяли помытчиками села и слободы в местах ловли, или поручали это дело местным сельским жителям. Все ловчие птицы соколиной охоты царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича принадлежали к породе благородных соколов. Ловля этих птиц производилась помытчиками по морскому берегу и по рекам, по Тиунскому берегу, Терской стороне и на Канином Носу. На царских кречетных была суровая дисциплина; всякое упущение наказывалось весьма строго. Уход за ловчими птицами заключался в кормлении их, в лечении заболевших, но главным образом в «вынашивании», т.е. систематическом приучении птиц диких к охоте. Кормили ловчих птиц в «уреченное время», т.е. в определённые часы и непременно самым доброкачественным мясом. Когда кречеты были выношены и подготовлены, их брали на настоящую охоту; часто сам царь «пробовал» вновь выношенных кречетов. Наряд царских ловчих птиц состоял из следующих составных частей; кlobушок, нагрудник, нахвостник, обножи (иначе называвшиеся обносками, нагавками, опутами или опутинами), силца, должик и колокольцы. Все эти наряды изготовлялись специальными мастерами в Государевой мастерской палате; ценность наряда согласовывалась с достоинством птицы, для которой он предназначался; обыкновенно кречеты-царские любимцы блистали золотом, серебром и драгоценными камнями».⁴¹

Уже в 1550 г. в ряду российских придворных чинов появляются новые звания — сокольников и ловчий, а вскоре утверждён и Сокольников приказ (что-то вроде министерства). «Помытчики» (ловцы соколов) освобождались от всех повинностей, но за ними следили «дети боярские добрые, которым кречатью ловля за обычай».⁴²

Особо процветала в России соколиная охота при царе Алексее Михайловиче (1645-1676) — отце Петра I. По его приказу в 1656 г. была написана специальная «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и укоренение

чина сокольничья пути», в которой говорилось: «Будити охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно, и угодно, и весело, да и не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте не лениво и бескучно, да и не забудут птицы премудрую и красную свою добычу. О славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своим добрым и весёлым сим утешением в предыдущие лета!»⁴³

«Охоты» Алексея Михайловича помещались на потешных дворах подмосковных сёл Коломенское и Семёновское, где содержалось более 3000 разных ловчих птиц, распределённых по «статьям». Во главе каждой «статьи» стоял «начальный» сокольник, в ведении которого находились «рядовые» сокольники, кречетники, ястребники. «Урядник сокольничья пути» предписывал сопровождать назначение в «начальные» сокольники особой торжественной церемонией. В составе «охоты» находились ловчие (наблюдавшие за привозом соколов и ястребов); птичьи стрелки (добывающие дичь для царского стола); специальные люди, состоящие при кречатне (следившие за уходом птиц); клобученный мастер (изготавливавший очень дорогие клобучки для птиц) и т.д.⁴⁴

Убранству царских соколов и ястребов уделяли большое внимание. «Урядник сокольничья пути» свидетельствует: «И мало понорова, подсокольничий молвит: начальные, время наряду и час красоте. И начальные емлют со стола наряд: первый, Парфентий, возьмёт клобучок, по бархату червату шит серебром с совкою нарядною; второй, Михей, возьмёт колокольцы серебряны, позолочены; третий, Леонтий, возьмёт обнащцы и должник (должник) тканые с золотом волооченым. И, уготовав весь наряд на руках, подошед к подсокольничему, начальные сокольники наряжают кречета».⁴⁵

Интересно, что наряду с традиционными видами ловчих птиц, в России приручали мелкого сокола-чеглока (чеглика) и «копча» (мне непонятно, здесь имеется в виду скопа или кобчик), которых тщетно пытался «выносить» С.Т.Аксаков и другие охотники. Об этом в «Уряднике ...» говорится: «Добровидна же и копцов добыча и лёт. До сих пор доброутешна и приветлива правленных (т.е. выношенных) ястребов и чеглигов (то есть чегликов;

иногда называются они там же чеглоками) истребных ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание».⁴⁶

В России, как в восточных и западных странах, также имелись специальные «заказные» места, являвшиеся местом охоты царей и князей. Эти охотничьи угодья строго охранялись во всякое время.⁴⁷

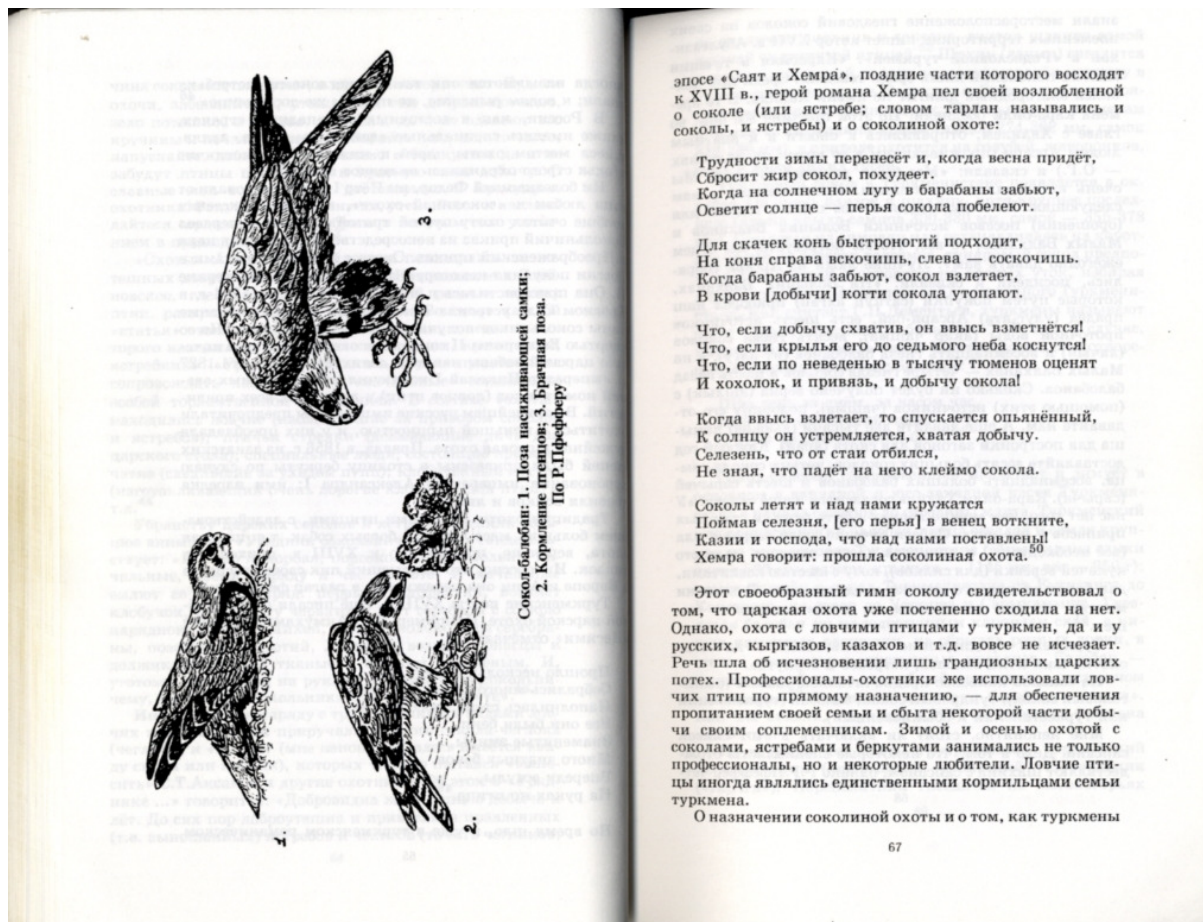
Ни болезненный Фёдор, ни Пётр I не унаследовали от отца любви к «соколиной охоте», а Пётр Алексеевич вообще считал охоту пустой тратой времени и перевёл Сокольничий приказ из непосредственного ведения царя в Преображенский приказ. Охота с ловчими птицами в России получила некоторую значимость при Екатерине II. Она пристрастилась к соколиной охоте и в 1764 г. в Красном Селе устроила сокольничий двор, где разные чины сокольников получали большое жалование. Но со смертью Екатерины II соколиная охота в России в качестве царской забавы навсегда затихает: 19 августа 1827 г. император Николай I исключил из придворных званий помытчиков (ловцов птиц) и лишил их всех привилегий. В дальнейшем русские императоры предпочитали охотиться с меньшей пышностью, и у них преобладала ружейная и псовая охота. Правда, в 1856 г. из азиатских степей были привезены в столицу беркуты по случаю коронации императора Александра I; ими изредка травили волков и лис.⁴⁸

Традиции охоты с ловчими птицами, с задействованием больших масс людей и борзых собак, т.е. царская охота, вероятно, повсеместно к XVIII в. приходит в упадок. Интересно, что наивысший пик своего расцвета в Европе и Азии она переживала в разгар феодализма.

Туркменские поэты XVIII в. ещё писали о масштабной царской охоте. Например, поэт Акмухаммед в поэме «Несими» отмечал:

Прошло несколько дней,
Собрались многочисленные люди,
Наполнилась степь необозримая
Все они были беки.
Знаменитые эмиры,
Много знатных беков,
Впереди есаулы,
На руках по птице.⁴⁹

Но время шло, и уже в туркменском романическом

Соколы-балобаны: 1. Поза падающей самки;
2. Кормление птенцов; 3. Брачная поза.
По Р. П. Перфери

эпосе «Саят и Хемра», поздние части которого восходят к XVIII в., герой романа Хемра пел своей возлюбленной о соколе (или ястребе; словом тарлан назывались и соколы, и ястребы) и о соколиной охоте:

Трудности зимы перенесёт и, когда весна придёт,
Сбросит жир сокол, похудеет.
Когда на солнечном лугу в барабаны забьют,
Осветит солнце — перья сокола побелеют.

Для скачек конь быстроногий подходит,
На коня справа вскочишь, слева — соскочишь.
Когда барабаны забьют, сокол взлетает,
В крови [добычи] когти сокола утопают.

Что, если добычу схватив, он ввысь взметнётся!
Что, если крылья его до седьмого неба коснутся!
Что, если по неведенью в тысячу тюменов оценят
И хохолок, и привязь, и добычу сокола!

Когда ввысь взлетает, то спускается опьянённый,
К солнцу он устремляется, хватая добычу.
Селезень, что от стаи отбился,
Не зная, что падёт на него клеймо сокола.

Соколы летят и над нами кружатся
Поймав селезня, [его перья] в венец воткните,
Казни и господа, что над нами поставлены!
Хемра говорит: прошла соколиная охота.⁵⁰

Этот своеобразный гимн соколу свидетельствовал о том, что царская охота уже постепенно сходилась на нет. Однако, охота с ловчими птицами у туркмен, да и у русских, кыргызов, казахов и т.д. вовсе не исчезает. Речь шла об исчезновении лишь грандиозных царских потех. Профессионалы-охотники же использовали ловчих птиц по прямому назначению, — для обеспечения пропитанием своей семьи и сбыта некоторой части добычи своим соплеменникам. Зимой и осенью охотой с соколами, ястребами и беркутами занимались не только профессионалы, но и некоторые любители. Ловчие птицы иногда являлись единственными кормильцами семьи туркмена.

О назначении соколиной охоты и о том, как туркмены

знали месторасположение гнездовий соколов на своих племенных территориях пишет автор XVII в. Абулгазихан в «Родословной туркмен»: «Караойли в течении многих поколений жили среди теvedжи. Среди них появился благородный джигит по имени Халиль. В те времена кара-ойли обеднели. По этой причине все они, во главе с Халилем, отправились к онбег и к знатым людям Арсари (проживающим в то время на Балханах — О.Г.) и сказали: «Мы были вашими слугами. Мы очень изголодались и отошдали. Наша просьба к вам следующая: Если вы отдадите нам птиц и годные для (орошения) посевов источники Больших Балханов и Малых Балханов, то все, что вы потребуете, мы будем ежегодно давать вам». Лучшие люди из Арсари собрались, посидели и сказали: «На Больших Балханах, которые путём покупки (саткун алган) приобрёл наш прадед (улу-ата) Арсари-бай, есть шесть источников проточной воды (акар чашма), десять гнёзд соколов (лачын) и восемнадцать гнёзд балобанов (ит алгу), а на Малых Балханах — четыре гнезда соколов и шесть гнёзд балобанов. Сколько ни будет получено зерна (ашлык) с (помощью этих) источников (чашма), половину его отдавайте нам. А ещё давайте две тысячи (вьюков) камыша для постройки загонов для скота (аран). Каждый год доставляйте десять больших соколов, четыре сокола-самца, восемнадцать больших балобанов и шесть сарычей (сарыча). Кара-ойли Халиль согласился и ещё сказал: «У нас нет того, чем можно ловить и бить птиц, и съестных припасов у нас нет». Онбег и лучшие люди собрав с иля (всё необходимое) и приказав плести веревки, дали сто кулачей верёвки (для силков), козу с шестью козлятами, два бурдюка кислого молока и одного осла. В течении многих лет они доставляли то, о чём говорилось выше».⁵¹

Туркмены традиционно использовали в качестве охотничьих птиц соколов, ястребов и беркутов.

Из соколов наиболее предпочитались: шахин (рыжеголовый сокол), тундровый сокол, балобан (туркменский или туркестанский и обыкновенный).

Мне непонятно, стоит ли включать в этот список сапсана. Дело в том, что некоторые специалисты отождествляют шахина с сапсаном, однако Р.Г.Пфедфер чет-

ко различает шахина и сапсана, считая шахина самой лучшей охотничьей птицей.⁵² Шахин (лачын) гнездится в горах и подгорной полосе, но распространён повсюду в Туркменистане, кроме Каракумов. Этот сокол в настоящее время чрезвычайно редок. Небольшая по размерам хищная птица (длина крыла самцов 274-302 мм, самок 312-336 мм), в природе охотится на голубей, жаворонков, уток и даже диких гусей.

Тундровый сокол в Туркменистане появляется в октябре. Он очень близок к шахину, хотя крупнее последнего (длина крыла самцов 300-330 мм, самок — 355-378 мм). Прилетая на зимовку или останавливаясь на короткое время на берегах водоёмов, тундровый сокол предпочитает охотиться в основном на разных уток, избирая для этого районы Западного и Юго-Западного Туркменистана. Как считает Г.П.Дементьев, туркмены называют этого сокола «бахрин», «бахарин».⁵³ В таком случае, именно об этом соколе писал Махтумкули в стихотворении «Абдулла-разлука с братом»:

Шёл день за днём, за часом час,
Мой пыл охотничий погас...
С руки не рвётся бехри-баз...⁵⁴

Сокол-балобан обыкновенный пролетает и зимует в основном в западной и юго-западной части Туркменистана с начала октября до середины марта. Туркменский или туркестанский балобан-птица оседлая и самая крупная из всех соколов Туркменистана (общая длина самки около 530 мм, размах крыльев — 1145 мм, вес — 950 г); распространён в горах Туркменистана от Кугитанга до Копетдага, на север до Устюрта и Сарыкамыш. Гнездится балобан по малодоступным карнизам скал, в нишах каменных расщелин, на обрывах речных долин, в стенах засыпанных пустынных колодцев. Балобан — единственный сокол, способный гнездиться в пустынном ландшафте.⁵⁵ Туркмены называют балобана «ителги». Как мы видели, Абулгази (XVII в.) называл балобана «ит алгу».

Из ястребов для охоты употреблялись: европейский перепелятник («гыргы») и уральский тетеревиный («гарчга»). Перепелятник гнездится на высокогорьях

Больших Балхан, останавливается на пролётах в бассейне Амударьи и даже зимует в окрестностях Ашхабада, питаясь мелкой птицей. Тетеревятник — «одна из любимых ловчих птиц туркменских сокольников, но добывалась она ими по-видимому не в пределах Туркменистана, а главным образом покупкой у казахов и может быть у иранцев». ⁵⁶ Однако несмотря на то, что уральский вид изредка залетает в холодное время в Туркмению, отдельные виды западносибирского тетеревятника регулярно появляются в прикаспийских районах. ⁵⁷

Беркут-единственный из вида орлиных, которых задерживали в охоте. В нашей стране бывают пролётные центральноазиатские особи, но локальный закаспийский тип живёт оседло и гнездится на Больших и Малых Балханах, Копетдаге, Паропамизе (Бадхмэ), Кугитанге. Но иногда выбирает и совсем не горные районы для гнездовок, т.е. в Каракумах, по обрывам Амударьи. Этот многочисленный ещё в 50-х гг. XX в. вид хищных птиц охотится на зайцев, лис, молодых баранов, джейранов, водоплавающих птиц. ⁵⁸

У взрослых хищных птиц практически не бывает врагов, кроме того что они нападают друг на друга или их отлавливает человек. Но есть у них один страшный враг. Р.Г.Пфеффер специально отмечает, что на сокола никто не отваживался напасть, кроме филина, который внезапно падал ночью на гнездо, где находилась спящая птица. ⁵⁹ Действительно, филин-крупная хищная птица с острыми когтями, часто нападал на гнёзда многих хищных и не хищных птиц. Об этом казахская поэтесса Марфуга Айтхожина по рассказу охотника-беркутчи даже сложила стихи под названием «Гибель орла»:

Под пологом неба
Меж сросшихся скал
Могучий орёл вдохновенно летал.
Он был возбуждён нападением на волка
И лишь у гнезда ощутил, как устал.

Как иглы, впились его когти в скалу.
И дрёма неслышно подкралась к орлу.
Но хищно блеснул его клюв серповидный,
Недавно добычу терзавший в пылу.

Был зоб его круглым от пищи мясной,
Уменьшенно шар повторяя земной.
Орёл шевельнул полусонно крылами —
И пыль над скалою взметнулась волной.

Не знаю я, кто от ущелий и скал
Хоть раз бы какую-то тайну узнал
Укрытый невидимым пологом ночи,
Уставший орёл наконец задремал.

Но филин,
Забившийся в щель от орла,
Лишь только ночная пора подошла,
Он — серое чудовище с жёлтой опушкой —
Когтистою лапой ударил орла.

...Судьба посмеялась над птицей во мгле.
Поплачут собратья о гордом орле.
Вамывавший кругами,
Не ведавший страха,
От филина принял он смерть на скале. ⁶⁰

Самые распространённые виды ловчих птиц, используемые туркменскими сокольниками в настоящее время — балобан и шахин. Они относятся к так называемым благородным видам соколов. Вот описание соколов, сделанное И.Лебедевым и Я.Редькиным: «Соколы — это, как правило, птицы среднего или чуть крупнее среднего размера, основными отличительными чертами которых в природе являются удлинённые, заострённые к концам крылья и характерный стремительный полёт. Особенной чертой этих птиц является свойственный только им способ атаки, когда взлетев высоко вверх, сокол, сложив крылья, пикирует на свою жертву. На кромке подкльвия у сокола расположен небольшой выступ, так называемый «соколиный зуб», наличием которого представители соколиных отличаются от всех прочих хищных птиц. В окраске соколов чаще преобладают различные оттенки цвета — от светло-дымчатого, практически белого, до тёмно-серого, почти чёрного, а также различные оттенки коричневого — от охристого до красно-коричневого и бурого». ⁶¹

В.Романов также пишет: «Недаром сокола называют царской птицей — это сильная личность с огромными тёмными глазами, огромными паукообразными лапами, внушительным, но в то же время изящным клювом, придающим птице гордый и прекрасный вид. Вся красота этой птицы становится доступной после её приручения. Уже во время совместной охоты, когда в свободном стремительном полёте она проносится над тобой в погоне за чирком, делая незначительные скупые взмахи крыльями, уёрной молнией догоняя улетающую утку...»⁶²

Соколы очень сильные птицы, особенно балобан. Способность его к парению, использованию восходящих токов воздуха до того велика, что он может транспортировать на дальние расстояния свою добычу, имеющую аналогичную с ним массу.⁶³

Свою добычу сокол бьёт приёмными когтями задних пальцев. Порой удар бывает так силен, что, попав по шее утки, он перерывает её пополам.⁶⁴

Соколы добывали птенцов соколов в первой трети или середине мая, когда у них наполовину вырастали маховые и рулевые перья. Обычно гнездовья хорошо известны охотникам, так как соколы часто используют свои старые гнезда, лишь изредка заселяя гнезда других птиц. Как сообщал Абулгази, в XVII в. на Больших Балханах насчитывалось 10 гнезд шахина и 18 — балобана, а на Малых Балханах — 4 гнезда шахина и 6 — балобана. По словам этнографа А.Оразова, который ссылается на информаторов, в настоящее время вообще на Балханах известны 3 гнезда шахина и 6 — балобана.⁶⁵ Скрывая друг от друга места гнездования соколов, туркменские охотники часто уходили на отлов птенцов далеко от дома (на 60-80 км). Добыча соколят, которые сидели в гнездах, труднодоступных для человека, была связана с риском для охотника. С вершины горы спускали на крепкой верёвке самого лёгкого ловца (иногда мальчика). Бывало, приходилось спускаться по скале 20 метров. В гнездах соколов обычно бывает по 2-3, реже — 4 и совсем редко — 5 птенцов. Согласно обычаям туркменских сокольников, если в гнезде находилось 4 или 5 соколят, двух из них обязательно оставляли, а если в гнезде был всего один птенец — его ни в коем случае не позволялось трогать. В редких случаях охотники в начале марта забирали из гнезд яйца сокола. Их подкла-

дывали под курицу или заворачивали в шерстяной платок, который в скрученном виде подвязывали вместо пояса.⁶⁶

Первые 20-25 дней птенец, который содержится в юрте, находится без привязи. Около 20 дней, с момента взятия его из гнезда, он кормится рубленым на мелкие кусочки несолёным мясом мелких грызунов, зайца, куриными яйцами всмятку. В дальнейшем соколёнок сам справляется с тушкой зверька. Кормят 2-3 раза в день. Уже к осени птица, которую старались не тревожить, становилась крепкой. Она растёт быстрыми темпами. Что же происходило дальше? В моём распоряжении имеется несколько описаний тренировки сокола разных авторов, но мне хочется предоставить слово специалисту, наиболее верно и полно отразившим процесс натаскивания сокола на добычу. Предоставим слово А.К.Рустамову: «С приближением осени режим птицы постепенно меняется. Начиная с этого времени, птице дают меньше спать и есть (один или два раза в сутки), начинают совершенствовать прогулки в начале по аулу, затем и в пустыне — в местах будущих охот. Заметим здесь, что сокольники туркмены носят обычно ловчую птицу на левой руке (в отличие от русских, казахов и киргизов). На руку надевается кожанная, грубо шитая перчатка (эллик) с небольшой крагой. Подобные прогулки («вынашивания» в узком смысле) продолжаются в течение 15-20 дней с перерывом в 2-3 дня между каждой. Наконец, примерно в последней трети сентября наступает, как говорят туркмены, время «алвая» (т.е. подавливания, приучения к вабилу) — наиболее ответственный период в обучении балобана. От его успеха во многом зависят охотничьи качества птицы в дальнейшем. Туркменское вабило «алвай» (некоторые называют его «албай») — кусок белой кошмы, сложенный квадратиком и шитый с трёх сторон так, что получается небольшой квадратный мешочек; к алваю пришивается кусок красной материи. Птицу 2 и 3 дня кормят из алвая, и наступает время, когда балобан впервые на короткое время освобождается от привязи и получает полную свободу (пути у птицы, конечно, остаются). Это происходит так: «алвай» с кусочком мяса в нём берёт сокольник, а птица сидит на руке другого человека. Сокольник отходит от балобана шагов на 100-150 и вертит над головой алвай, одновременно следя за поведением пти-

цы. Как только заметивший алвай балобан начинает проявлять беспокойство, часто взмахивая крыльями, сокольник кричит, «хайт-хайт» (или «айт-айт» или «куш-куш»); одновременно с этим балобан освобождается от должника (аяк багы) и с «еллик» — путцы на лапах (путцы надеваются месяц примерно спустя, как птенец был взят из гнезда) «молниеносно» летит на «алвай», схватывая его лапами. Заметим, однако, что сокольник не даёт возможности птице сразу же спуститься на алвай; при приближении сокола он одёргивает алвай за верёвочку и прячет, балобан при этом взвизгивает вверх, по позыв «хайт...хайт...» заставляет птицу опять идти вниз. В этот момент алвай вновь показывается, но стоит только птице приблизиться к цели, как алвай одёргивается, сокол опять взвизгивает вверх — так повторяется несколько раз, пока, наконец, птица не получает алвай. Это очень важная в обучении балобана деталь; она приучает птицу летать кругами над хозяином на охоте в пустыне, где ожидается появление зайца, дрофы и т.д. Период обучения балобана с алваем продолжается, примерно 10-15 дней; тренировка два раза в день (по утрам и вечерам), во время которого балобану, кроме мяса, находящегося в алвае, ничего больше не выдаётся; с момента начала кормёжки балобана из алвая, кормить птицу из рук строго воспрещается. Период алвая является ответственным ещё и потому, что балобан, получивший впервые за время вынашивания свободу, нередко улетает совершенно и больше не возвращается. Период алвая заканчивается так. Ловят зайца и переламывают ему одну переднюю и одну заднюю ногу для того, чтобы не мог убежать; затем делают небольшой надрез на голове (сходство по цвету с красной материей алвая) и отпускают его на расстояние 100-150 м от балобана, сидящего на руке сокольника. Как только сокол увидит зайца, хозяин моментально освобождает балобана от должника и с криком «хайт-хайт» пускает птицу, слегка подбросив вверх. Сокол достигает цели, садится на голову зайца и начинает клевать (обычно сначала выклёвывает глаза). Подоспевший сокольник отнимает зайца и сокол в награду тут же получает почки, лёгкие и сердце добычи. Если сокол в первых своих охотах ловит зайца плохо, то опыт с «надрезом головы зайца» повторят несколько раз. Так обстоит дело с алваем, если балобана обучают с целью охоты на зайцев; если же птицу хотят

Сокольник с балобаном. Центральные Каракумы.
1948г. По Г.П.Дементьеву

притравить к дрофам, то албаем служит уже не кусок кошмы с мясом, а связанные крылья дрофы, впоследствии же и непосредственно сама дрофа, подбрасываемая на землю, когда балобан кружится наверху. Здесь же скажем, что обучение одного балобана в двух-трёх направлениях охоты (на зайца, дрофу и джейрана) в Кара-Кумах мало распространено. Обычно балобан в Кара-Кумах притравливается на зайца-зверя широко распространённого в пустыне... период непосредственного обучения молодой птицы занимает 35-45 дней; уже во второй половине осени сокольники обычно охотятся с молодыми балобанами. Более полноценной птицей балобан становится лишь к годовалому возрасту, т.е. только на будущую весну».⁶⁷

В период выучки, т.е. притравливания на вабило (албая чекмек), а также в охотничий сезон, птицу держали в «охотничьем теле», т.е. держали впроголодь (корм давался 1 раз в день). Перед сезоном охоты, которая в основном проводится весной и осенью, птицу заставляют сбрасывать жир, сажая её на вбитый в углу юрты или комнаты кол (соки или тугур). Ловчая птица при этом не может полноценно отдыхать. Это делается для того, чтобы птица в период ночных блдений, сидя на тугуре (тугур устүнде отурмагы овертемек) и постоянно находящаяся в напряжении, не касалась хвостом земли. Если хвост птицы находится на земле, то перья сваиваются, и в хвосте начинает накапливаться жир. А с разжиревшим хвостом ловчая птица утрачивает подвижность и реакцию.⁶⁸

Туркмены ловят и взрослых хищных птиц. Это происходит в негнездовое время (осенью и зимой). Вероятно, так ловят пролётных птиц и тех, которые прилетают на зимовку, а также гнездящихся в Туркменистане соколов. Хорошо зная места охоты ловчих птиц, называемых туркменами «хекем», охотники ставят капканы, силки или другие приспособления. Обучение взрослых птиц проходит примерно также, как и обучение «гнездарей», т.е. с албаем, но значительно быстрее. Причём ловчие качества у пойманных взрослыми птиц намного выше, потому что они уже сами охотились в природе.⁶⁹ Перед самой охотой туркмены дают птице на ночь кусочек шерсти или заячий хвост, чтобы она к утру выбросила (отрыгнула) погадку (гайя, гайев), т.е. непереваренные куски пищи. После этого птица готова к охоте. Охотники

считают, что даже дикие птицы не вылетают на охоту, не выбросив погадку.⁷⁰

Охотники всегда носят с собой в сумке албай, для того чтобы птица, которая не смогла схватить добычу, немедленно прилетела на зов размахивающего албаем хозяина. У туркмен даже существуют такие поэтические строки:

Албай булап чагырсам,
Шункарым сен гола гел.

Коль поману тебя вабилом,
Слети на руку мне, сокол мой.⁷¹

По сведениям специалистов, соколов натаскивают на какой-то один определённый вид дичи. Может быть, это связано с самим способом охоты сокола в природе? Например, по наблюдениям Р.Г.Пфеффера за балобаном выявляется, что, хотя сокол и охотится на разных зверьков и птиц, всё-же он обладает и в природе выраженной избирательностью. Из наблюдаемых им балобанов лишь 39,3% самок были склонны специализироваться на олове одного вида птиц, тогда как среди самцов таких оказалось 88,5%.⁷²

Высоко ценятся у туркмен ястребы, ввиду их прекрасных охотничьих качеств. Обучение ястреба требует в два раза меньше времени, чем обучение сокола. Но ястреб-тетеревятник (гаргича) не выносит грязи и любит, чтобы охотник был опрятно одет. Ястреб очень смел и часто ловит дичь, не пытаясь расклевывать её. Некоторые ястребы сами бросают добычу к ногам хозяина.⁷³

До нас дошло изречение, которое было в ходу в Центральной Азии до недавнего времени: «Тетеревятник — король, самец тетеревятник — министр, перепелятник — принц, сокол (балобан) — солдат».⁷⁴ Интересно, что охотник с ястребом освобождался даже от оплаты транспортных средств.

С любовью писал в XIX в. о ястребе (вероятно, перепелятнике) писатель С.Т.Аксаков, для которого ястреб являлся самой любимой птицей (ведь одна такая птица за один день могла поймать от 50 до 100 перепёлок):

«Хорошего ловца можно узнать с первого взгляда: на руке он сидит бодро и весело, перо лежит у него гладко, головка маленькая, спина широкая, стан круглый, по-

сидящая стопкой, ноги здоровые, но не длинные, ешь большая, пальцы твёрдые, когти острые, умеренно круглые (нехорошо, когда они пологи, ещё хуже, если слишком круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Верной приметой считается, что ястреб хорош, если у него на хвосте находится семь «черней», то есть семь поперечных тёмных полос. Все противоположные признаки изобличают ястреба посредственного или плохого».⁷⁵

Охотники хорошо знают технику охоты в природе разных видов птиц и используют эти качества. Например, самым быстрым соколом является шахин, но он уступает в маневренности балобану, который, в свою очередь, не столь маневренен, как ястреб. Интересно, что голуби и некоторые другие птицы, за которыми охотятся хищники, быстро распознают ястреба или сокола. При появлении ястреба голуби стараются увеличить дистанцию между ними и хищником, чем и спасаются. Уйти же от сокола — абсурд! Но голуби знают, что «ахилесова пятка» сокола — малая маневренность, поэтому им остаётся лишь вовремя увертываться. Примечательно, что соколы нередко применяют «ястребиные методы», приводя голубей в замешательство. Соколы очень изобретательны! Они не только падают сверху со сложенными крыльями на добычу или в сумерках, просидев неподвижно на дереве, резко бросаются с присады на жертву, но и мастерски маскируют свои атаки. Нередко сокол заходит сзади намеченной жертвы и, набирая скорость, делает рывок со сложенными крыльями. Утки или голуби часто оборачиваются при полёте и не сразу распознают своего врага, потому что вместо крыльев сокола видят всего лишь точку — диаметр головы хищника, который преследует птицу не по кратчайшему пути, а сходит полностью на траекторию движения птицы! Балобан, а особенно сапсан или шахин, используя энергию разгона, со сложенными крыльями могут пролетать значительные расстояния.⁷⁶

Однако, главная особенность сокола в том, что он бьёт сверху добычу, в то время как ястреб может ловить дичь на земле и даже в кустах. Есть и ещё одна особенность: при напуске на добычу охотник слегка подбрасывает сокола вверх, а ястреб сам бросается с руки — для этого сокольник лишь разжимает руку, чтобы освободить птицу.⁷⁷

Практически сошла на нет у туркмен охота с орлами.

беркутами (бургут). Туркмены их также натаскивали на албай, ограничивая крупных хищников в еде и сне. Если соколу и ястребу не одевали на голову кlobушок, то беркуту кlobушок требовался (обычно шили кlobушок индийского покроя). Иногда конским волосом осторожно сшивали веки глаз. Когда ловчая птица начинала спокойно реагировать на голос и прикосновение хозяина, уверенно сидеть на руке, не бояться окружающих шумов, нить разрезали, высвобождая веки. Бывало, беркуту, у которого не только размах крыльев, но и длина тела достигала до одного метра, кlobушок одевали на голову и в течение всей жизни вне охоты. Это гарантировало от случайного попадания в их когти маленьких детей, домашней птицы и предохраняло от излишнего возбуждения или испуга.⁷⁸ Г.П.Деметьев приводит случай, когда в Дарганата у одного охотника ловчий беркут, сидя в кибитке, сорвался с привязи на четырёхлетнего сына хозяина. Хищник вырвал мальчику глаз и пробил череп. Ребёнок вскоре умер, а беркут — умерщвлён хозяином. Туркмены считают, что проловившийся беркут (т.е. который не взял добычу), часто бросается на охотника.⁷⁹ Беркут — птица сильная. Р.Г.Пфеффер сам являлся свидетелем того, как средних размеров ловчий беркут с высоты 7 метров ударил сайгак, который замертво рухнул на землю. Оказалось, что своими лапами беркут сломал ему шею, причём один из позвонков просто развалился на куски. «Нетрудно себе представить, — пишет исследователь, — каково приходится, скажем, тэку, на которого хищник пикирует иногда с высоты несколько сот метров!»⁸⁰

Очень интересна повесть туркменского писателя Османа Оде «Гнездо беркута», где автор рассказывает об охоте с беркутами у туркмен Лебапского велаята. Но сейчас речь даже не об этом, а о том, что, оказывается, туркмены проводили состязания с беркутами (о чём никто из специалистов не говорит). Вот небольшой отрывок из повести О.Оде, где он говорит о состязании, которое устроил Нурджан-ишан по случаю свадьбы сына: «Когда Ябан прибыл на место, до начала состязаний оставалось ещё немало времени. Вокруг низины, где они должны были проходить, собралось уже множество любопытных. Место здесь было просторное, тут и скачкам не было бы тесно. Охотники со своими птицами держались особняком от зрителей.

Наконец, на круг выехал верхом на лошади Дурдымурад — сын Рахима Йылмы. Толпа встретила паренька довольными криками — все уже заждались. Дурдымурад, улыбаясь, приветственно помахал зрителям рукой. Потом, обернувшись, кивнул устройствам состязаний — мол, я готов.

К луке его седла на длинной бечёвке привязали чучело лисицы. Задачей Дурдымурада было доскакать до шеста с платком, который был установлен на другом конце низины. Ловчей птице полагалось взять лисицу прежде, чем Дурдымурад достигнет отметины. Чей беркут будет быстрее, того и объявят победителем, тому и достанутся призы.

Первым вызвали Нургельды. Когда судья взмахнул платком, Нургельды снял с головы своего Бека кожаный колпачок и рукой указал своему беркуту, где скрывается добыча. Беркут увидел «лисицу» и взлетел. Дурдымурад принялся нахлестывать лошадь.

Рыжая шкура, точно это была живая лисица, влекомая всадником, часто меняла направление. Она оказывалась то справа от лошади, то слева. И все же беркут уловил нужный момент, камнем упал на лисицу и вцепился ей в загривок. По правилам состязаний Дурдымурад должен был тот час отпустить бечеву... Один за другим отправлялись в полёт беркуты и не было среди них птицы, которая не смогла взять «лисицу». Призы доставались всем. Каждому — по достоинствам его птицы, а уж за этим следили придирчивые знатоки, оценивавшие, какую игру показал беркут...⁸¹

Туркмены с беркутами охотились на волков, джейранов, зайцев, лис, с ястребами — на фазанов, зайцев, уток, с соколом шахином (или сапаном) — только на птиц (голубей, кекликов), но в настоящее время наиболее распространена охота с соколом-балобаном, с которыми охотятся на дроф, зайцев, уток и даже джейранов. Ещё в эпосе «Героглы» ашуг Керем пел девице Харман-Дяли:

Я ашуг. С сазом [в руках] пришел я к тебе.
С соколом на джейранов охотился я.⁸²

Особенно продуктивна охота с ловчей птицей и тазы. Борзая выгоняет птиц и зайца из кустов на открытое место, где дичь настигает сокол. Естественно, балобан не

80

может, как беркут, бить джейрана, но он спускается на голову его и, цепляясь когтями, клюёт голову и глаза или закрывает крыльями глаза животного, которое терило ориентацию. Тут вовремя поспевает охотник с собакой. Сокол и собака до того понимают друг друга, что иногда для взаимодействия не требуется никаких команд.

Вот что пишет С.Т.Аксаков о совместной охоте собаки и птицы: «Без сомнения, главное удовольствие в охоте доставляет резвость, ловчивость ястреба и доброе чутьё и вежливость легавой собаки. Они так свыкаются между собой, что это удивительно: ястреб так умеет различать поиск собаки, что по её движениям и по маханию хвостом знает, когда она близко добирается до перепёлки, особенно понимает стойку собаки: он уже не спускает с неё глаз, блестящих какой-то пронзительной ясностью, весь подберётся, присядет, наклонится вперёд и готов броситься каждое мгновение».⁸³

Ловчей птице, которая схватила дичь, охотники отдают печень или желчный пузырь от пойманной ею дичи. Собака же довольствуется той едой, которую ей предоставлял хозяин после охоты. По этому поводу у туркмен существует пословица: «Туш ковар ози учин, тазы эси учин» («Птица охотится для себя, а тазы — для хозяина»)⁸⁴.

Совместное использование собак и хищных птиц делало охоту высокопродуктивной. В.Е.Флинт и А.Г.Сорокин отмечают: «Сейчас, насколько нам известно, этот метод используется только в Туркмении, в глубинных Каракумах, где с борзыми-тазы и балобаном охотятся на зайца-толая. Надо полагать, туркменские охотники — хранители особых, наиболее древних традиций».⁸⁵

О том, что у туркмен использовались в охоте разные виды птиц, красноречиво говорит четверостишие Байрам-шахира:

Гарчга, лачын гушун аласац,
Ителгини ава салсац
Айдар Байрам, тилиц билсец,
Шаглап инер бургутлери.⁸⁶

Приобретши гарчга и лачын,
Используя ителги на охоте,
Байрам говорит, если знаешь язык,
Как ураган примчатся к тебе беркуты.

81

Надо сказать, что у туркмен были свои охотничьи поверья, а кроме этого они при охоте руководствовались правилами шариата. Согласно канонам ислама, то мясо, к которому прикасалось животное, считалось нечистым, т.е. харам. Но в отношении ловчих птиц и охотничьих собак в Коране (Сура 5. Трапеза. «Аль Маида») сказано:

Аят 1. Но мясо дичи вам запрещено,
Если (охота) на священном месте,
И если вы облачены в играм (одежда пилигрима — О.Г.).

Аят 2. Когда ж вы (снимаете играм,
Покинув место поклонения)
И к состоянию обычности вернётесь,
Вы можете охотою заняться...

Аят 4. И задают они тебе вопрос:
Что (в пищу) им разрешено?
Скажи: «Вся снедь благая,
И то, что вам изловит хищное зверьё
(вроде собак или птиц),
Которых вы (к охоте) приучили,
Их дрессируя так, как указал вам Бог.
Вы ешьте то, что вам они изловят,
И призывайте имя Господа над оным.
Страшитесь Господа (благочестивы будьте),
Поистине, с расчётом Он не медлит».⁸⁷

По законам шариата мясо животного и птицы, пойманных соколом или собакой, считалось в том случае дозволенным, если охотник успел зарезать добычу, выпустив кровь. Если же сокол убивал дичь до того, как охотник подоспел, мясо считалось нечистым и его не позволялось брать.⁸⁸

Как считает историк А.Аманмурадов, некоторые законодеды ислама допускали возможность того, чтобы в качестве охотничьих животных использовались тигры, медведи, гепарды и коршуны. Но имам Абу Юсуп Якуф (ученик Абу Ханифы) категорически возражал против этого, говоря, что эти животные чересчур дики и прожорливы.

Согласно представлениям туркмен, с одной ловчей

птицей нельзя было охотиться больше семи лет (7 охот Пророка). По истечению этого срока птица передавалась в качестве «жертвы Богу» — какому-нибудь охотнику. Поэтому охотники всегда старались иметь несколько соколов. Существует и другое поверье: больше 1000 джейранов нельзя убивать, ибо 1001 джейран становится на передние ноги.⁸⁹

В средние века туркмены старались не продавать ловчих птиц, и борзых собак — тазы и даже обменивать их. Позднее же ловчие птицы продавались за большие деньги. Как отмечает Г.П.Дементьев, за хорошего беркута туркмен, не задумываясь, отдавал верблюда, а за балобана — трёх хороших баранов.⁹⁰ По словам А.Оразова, за обученного балобана туркмены давали одного верблюда с седлом или коня.⁹¹

Это и понятно, ведь обученный сокол за одну дневную охоту мог брать до 20 зайцев, а натасканный на фазана хищник — до 30 птиц за одну охоту. Если знать, что охотник, как правило, содержал в прошлом по несколько ловчих птиц, то можно представить, сколько добычи доставляли они охотнику за весь сезон охоты.

Таким образом, можно убедиться в том, что ловчие птицы играли огромную роль в традициях охоты туркмен и в обеспечении пропитания многих семей. Отдельные любители до сих пор охотятся с помощью хищных птиц, но встретить их можно крайне редко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и закончено наше небольшое повествование о прекрасном содружестве человека и птицы. Это содружество уводит нас в толщу тысячелетий, и поэтому нет ничего удивительного в том, что люди создали целый ряд религиозных представлений и мифологических сюжетов, связанных с хищными птицами. Сегодня нет нужды охотиться с ловчими птицами, добывая себе пропитание. Человек уверенно идёт по пути цивилизации.

К сожалению, в погоне за новыми техническими достижениями человек часто упускает из виду, что он нарушает и без того хрупкое равновесие, создавшееся между ним и природой. Конечно, потеряв тесную связь с окружающим животным и растительным миром, человек пытается реализовать себя в развитии самых разных форм духовной деятельности — религии, музыки, литературе, истории, живописи, архитектуре и т.д. Но разве можно в полной мере отдалиться духовной среде, не ощутив себя частичкой вселенной. Мир задыхается от войн, в которых испытывается современное оружие массового уничтожения. Гибнут не только люди, гибнет природа. Химические отбросы заводов, нефтяные разливы, вырубанные леса создали на нашей планете целые острова пустыни — результат деятельности человека, так называемый побочный эффект цивилизации. А сколько запасов ядерного, нейтронного, химического и биологического оружия скоплено в арсеналах некоторых стран! Их вполне хватает для уничтожения сотен таких планет, как наша!

Окружённый со всех сторон машинами, станками, компьютерами, человек усиленно нащупывает связь с

природой и стремится согласовать свою деятельность с осознанным порядком воспроизводства самой природы. Нет ничего парадоксального в том, что так живучи мифы у многих народов мира, в которых на первый план выступают наши меньшие (а меньшие ли на самом деле?) собратья. Посмотрите, как дети завораживающе смотрят на зверей в клетках! Видимо, детский ум, свободный пока ещё от каких-то устоявшихся стереотипов тоньше и лучше чувствует живое дыхание планеты и всех тех, кто на ней живёт. Детям, живущим в городах, особенно не хватает живительного природного пейзажа, который населён разными обитателями планеты. Да что говорить, о привычных для нас зверюшках, наши дети уже знают по картинкам энциклопедий.

Мы все: и взрослые, и дети, сами того не зная, тоскуем по природе! Разве не этим вызвана столь большая популярность таких передач, как «В мире животных» или «Подводная Одиссея Кусто»?! Даже сама модель вселенной у всех народов мира имеет зооморфные черты. Общество в процессе самопознания не спешило рвать пуповину, соединявшую его с природой. Мы только теперь понимаем, что за кажущейся примитивностью воззрений наших предков скрывается глубокий философский смысл — не вреди ничему живому: ни словом, ни делом, ни мыслью!

Заслуживают величайшей похвалы и благодарности энтузиасты, быющие в набат, пытаясь оставить потомкам экологически чистую планету. Надо приветствовать людей, призывающих выступить в защиту животных, многие виды которых исчезают на наших глазах.

Первое в мире объединение сокольников возникло в 1772 г. в Англии («Конфедерация сокольников Великобритании»), основателем которого был граф Георг Орфордский и полковник Торнтон. Чуть позже Малькольм Флеминг основал в Шотландии Ренфрюширскую ассоциацию сокольников. Но в этих клубах не было единства: ассоциация Флеминга распалась в 1830 г., а конфедерация разбилась на две группы, одна из которых получила прописку в Голландии и получила название «Королевский клуб сокольников в Лу» (клуб в 1840 г. образовал Эдуард Ньюком). В 1864 г., вернувшийся в Англию Ньюком, основал новый союз «Старый клуб сокольников»; на базе этого союза и возник в 1927 г. «Британский клуб сокольников» (первый президент — Джордж Блек-

код — Саймонде), имеющий штаб-квартиру в Аллинто-не.

Первое общество сокольников России возникло в 80-х годах XIX в. в Петербурге по инициативе К.П. Галлера «Общество соколиных охотников». Но это общество просуществовало всего около 10 лет.² Ровно через сто лет российский энтузиаст, врач-ветеринар В. Романов призывает своих соотечественников создать фонд спасения соколов (по типу американского «Фонда Сапсана») и возродить традицию соколиной охоты.³

В настоящее время возросла численность сокольников, которые объединены в клубах США, Германии, Чехии, Словакии, Венгрии, Франции, Норвегии, в арабских странах; неуклонно растёт и сама стоимость соколов. Например, в 70-х годах XX столетия за одного молодого балобана предлагали в среднем 24000 западно-германских марок.⁴

Вполне понятно, что начавшийся бум соколиной охоты породил и массовый хищнический отлов и вывоз соколов из мест их обитания в разные страны. В этих условиях, клубы, фонды и другие общественные организации могут сыграть благотворную роль в деле сохранения популяции соколов и, одновременно, возрождения традиции охоты.

Я даже могу сказать, что чётко регламентированный такими организациями отлов соколов сказывается на увеличении количества птиц. Почему? Дело в том, что выживаемость птенцов соколов и ястребов в естественных условиях не превышает 25%, тогда как в искусственных она достигает 70%.

Масса птенцов хищных птиц гибнет в природе в первые месяцы жизни. Эта гибель, в первую очередь, вызвана недостатком питания в период насиживания, почему птенцы и начинают пожирать друг друга. Следствие с гнезда молодые птицы также в большом количестве погибают голодной смертью. Огромный процент гибели взрослых хищников и их птенцов приходится также на инфекционные и инвазионные заболевания. У них обнаруживаются гельминтоз, поражение клещами, трихомоноз, фузариум, аспергиллез, кандидомикоз, сальмонеллёз, пастереллёз и др.⁵

Сокольник же, взяв птенца, учит его охотиться и обеспечивает уход за птицей, а, значит, способствует выживанию вида. Ловчие птицы часто улетают. Напри-

мер, из 10 балобанов, взятых из гнезда птенцами, во время охоты улетают в среднем 2-3, а из 10 птиц, пойманных взрослыми, улетают 5-6! Эти птицы возвращаются в природу здоровыми и сильными. К тому же, на хищнике никак не отражается общение с человеком, как это бывает у некоторых видов животных; он также недоверчив, как и дикая птица. Туркменские сокольники всегда заботились о сохранении и приумножении ловчих видов птиц. Не случайно они из 4-5 птенцов оставляли обязательно в гнезде 2-х! Ведь примерно столько их и выживало в природе из такого количества. Получается, что из 5 птенцов, три в дальнейшем погибали. Сокольники же сохраняли для популяции этих трёх птиц, из которых, как минимум, один возвращался в природу уже взрослой птицей, обученной охоте. А что касается случаев, когда в гнезде сидел всего один птенец, то туркмены никогда его не трогали! Это мудрое обращение наших предков к животному миру поистине достойно восхищения. У нас есть чему поучиться у своих дедов.

Однако, соколиная охота, игравшая в прошлом важную роль в жизни туркмен, постепенно исчезает. Причиной тому является не только утрата многих навыков охотников-профессионалов, но и бедственное состояние самой дикой природы. Многие виды птиц и животных, в том числе соколы и ястребы, занесены в Красную книгу. Назревала и у нас, в Туркменистане, необходимость создать клуб сокольников, который собрал бы под своё крыло не только специалистов и любителей соколов, но и всех, кого волнует проблема охраны животного мира. Кроме того, надо признать, что соколиная охота — часть народной культуры туркмен (способы и приёмы охоты, техника обучения собак и ловчих птиц, религиозные представления, связанные с хищными птицами и т.д.) достойная самого пристального внимания исследователей. Клуб нужен ещё и потому, что он может, используя опыт клубов других стран и кооперируясь с ними, проводить исследования, вести учёт численности птиц, бороться с их болезнями и т.д. Поэтому мы радуемся тому, что в 1998 г. у нас в стране зарегистрирована новая общественная организация, членом которой может стать любой человек, неравнодушный к прекрасным птицам — это «Национальный клуб сокольников Туркменистана», который возглавил активный пропаган-

дист, хороший знаток и любитель традиционной туркменской соколиной охоты Ата Зебердыев.

Уже через год после образования этого клуба туркменские сокольники со своими питомцами — балобанами стали победителями Международного фестиваля сокольников, проходившего в столице Казахстана — Астане. Свыше 30 стран мира выставили своих представителей на состязания сокольников. Туркменские сокольники доказали, что техника дрессировки соколов наших предков уходит своими корнями в толщу тысячелетий. Убедительная победа туркменских охотников на столь престижном фестивале — свидетельство упорной и кропотливой работы энтузиастов, а ведь туркменский клуб — один из самых молодых в мире.

В настоящее шоу превратились показательные соревнования охотников с ловчими птицами, состоявшиеся впервые в Туркменистане. 12 марта 2000 г. на столичном стадионе «Ниса» собрались любители, профессионалы соколиной охоты. Много было и просто зрителей, в первый раз увидевших соколов — балобанов и борзых — тазы. Это незабываемое зрелище вылилось в праздник, ставший своеобразным гимном соколу. Такие соревнования отныне планируется проводить ежегодно. Сам председатель клуба А. Зебердыев и его помощники регулярно проводят лекции в школах и детских садах, учат детей бережно относиться к животному миру.

В своей работе я не раз приводил цитаты из прекрасной книги орнитологов В.Е.Флинта и А.Г.Сорокина. Думается, что стоит и в заключении привести слова этих двух ученых, которыми они закончили свою монографию: «Мы предсказываем охоте с ловчими птицами большое и яркое будущее, которое не уступит, а, возможно, и превзойдет ее расцвет во времена средневековья. И в основе нашего прогноза отнюдь не только эмоции... здесь еще два момента, которые с течением времени будут играть все большую и большую роль. Первое — интерес к истории, к историческим традициям и проявлениям, к старине и самобытности со всей их атрибутикой. Этот интерес, как мы уже отмечали, был, вероятно, одним из ведущих факторов воскрешения соколиной охоты и ее традиций после длительного периода почти полного забвения. Есть все основания полагать, что эти струны будут со временем звучать в душе человечества все громче и громче, а соколиная охота — прекрасный

резонатор для этого звучания. Второй момент, о котором мы также уже говорили, — это стремление современного человека к личному интимному контакту с живым существом, пришельцем из мира природы. Нет дикой птицы более пригодной для такого контакта, более отзывчивой на терпеливую любовь, нежели хищные птицы, и доказательство тому — в самой сущности соколиной охоты: совершенно свободная птица по собственному желанию из поднебесной вышины добровольно возвращается на руку хозяина. Это союз, основанный на чистой любви. Разве не так? Сокол подарил человеку на протяжении истории бесчисленные мгновения полного счастья. Он принесет еще несоизмеримо больше. Вот почему мы считаем эпилог нашей истории оптимистическим».

Давайте и мы на этой оптимистической ноте закончим наше повествование.

Хочется верить и надеяться на то, чтобы, принимая меры по защите и сохранению уникальных видов хищных птиц, мы не забывали о соколиной охоте только как о царских забавах давно минувших десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Гундогдыев О.А. Соколиная охота в туркменских степях: традиция, которой тысячи лет. — Туризм и развитие, 1996, № 1. С.35-37.
2. Гундогдыев О.А. Сокол — птица царская. — Нейтральный Туркменистан. — 15, 22, 29 марта 1999. № 75, 81, 91; Он же. Соколиная охота у туркмен. — журнал "Возрождение", 1999, № 8. С. 20-21.
3. Аксаков С.Т. Охота с ястребами и перепелками. — Полное собр. соч., т.VI. М., 1886.
4. Галлер К. Охота с соколами и ястребами. — Природа и охота. 1883; Он же. Соколиная охота — Справочно-памятная книжка-календарь для охотников на 1884-1885 гг.
5. Данилов Н. Заметки о видах ястребов и об охоте с ястребом перепелятником. — Природа и охота. 1878.
6. Кутепов Н. Царская охота на Руси, XVII век. 1898.
7. Левшин. Книга для охотников до звериной и птичьей ловли. М., 1813. Т.II.
8. Сабанеев Л.П. Охотничий календарь на 1885 год; Он же. Указатель книг и статей охотничьего и зоологического содержания. 1883.
9. Энгельмейер. О соколиной охоте и ловчих птицах. — Охотничья газета. 1891. № 33.
10. Азиат (Г.В.Тарановский). Охота в окрестностях Кизыл-арвата. — Природа и охота. 1891, № 1; Он же. Охота в окрестностях Чарджуя. — Природа и охота. 1891, вып.V; Он же. Охота в Чарджуе. — Охотничий вестник. 1909. № 15, и др.
11. Арский Н. Охота в Закаспийской области. — Охотничья газета. 1900. № 15.
12. Варенцов П.А. Охота и охотники в Закаспийской области. — Природа и охота. 1897. № XII.
13. Воскобойников Г. Из Асхабада. — Псовая и ружейная охота. 1900. № 4, 8.
14. Житников М.В. В Туркестанской степи. — Наша охота. 1909. № 5.
15. Зарудный Н. Оринтологическая фауна Закаспийского края (Северной Персии, Закаспийской области, Хивинского оазиса и равнинной Бухары). — Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. 1896, № 1; Он же. Заметки по орнитологии Туркестана. — Орнитологический вестник. 1910, 1911, 1912, 1913, 1915; Он же (в соавторстве с С.Билькевич). Список птиц Закаспийской области и распределение их по зоологическим участкам этой страны. — Известия Закаспийского музея. 1918, № 1.
16. Зноско-Боровский Н. Украина. — Природа и охота. 1884. № III; 1886. № IV.
17. Мельницкий Н.А. В горах Копет-дага. — Природа и охота. 1904. № 1; 1905 — № 17.
18. Молчанов Л.А. Охотничьи и промысловые птицы Средней Азии. М., 1932.
19. Радугин В.И. Очерки Закаспийской охоты. — Наша охота. № VIII, IX, I.
20. Шляхтин А. О правилах об охоте в Закаспийской области. — Охотничья газета. 1896, № 10.
21. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана. А., 1952. 547 с.
22. Дементьев Г.П. Наблюдения над рыжеголовым соколом-шахином в Закаспийском крае. — Охрана природы. 1948, № 2; Он же. Охота с ловчими птицами (Г.П.Дементьев. Календарь охоты). М., 1953.
23. Атаева Г. Ценная книга. — Памятники Туркменистана, 1982. № 1/33. С.24-25.
24. Рустамов А. К. О соколиной охоте в Кара-Кумах. — Известия Туркм.ФАН СССР, 1950. № 4. С.56-61.
25. Атаев К. Охота у туркмен Ахала в конце XIX начале XX в. — Известия АН ТССР. Серия общественных наук, 1965, № 5. С.8-13.
26. Овезов Д.М. Население долины Чандыра и среднего Сумбара. А., 1976.
27. Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX — начале XX в. А., 1995; Он же. Народные традиции охраны природы у туркмен. — Верования, обряды и обычаи туркмен (историко-этнографические исследования). А., 1992.
28. Овезов Д.М. Указ. раб., с. 109.
29. Атаев К. Указ. раб., с.8.
30. Там же, с.8.
31. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.330.
32. Он же, с.330-332, 383-384.
33. Атаев К. Указ. раб., с.8.
34. Он же. Указ. раб., с.9.
35. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана, с.387.
36. Атаев К. Указ. раб., с. 10.
37. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана, с.386; Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб, 1892. Т.III. С.541.
38. Атаев К. Указ. раб., с.8.
39. Ливкин Д. Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. 1902. С.90-91.
40. Романов В. Поймать хищника. — Журнал "Друг" для любителей птиц. 1996, № 1 (56). С.6.
41. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан. — Алма-Ата, 1987; Он же. Соколиная охота. — Друг, 1996, № 1 (56).
42. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке. М., 1999.

ГЛАВА I

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С.40.
2. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С.193.
3. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983. С.31.
4. Там же, с.49.
5. Там же.
6. Там же.
7. Куклина И.В. Этногеография Скифии (по античным источникам). Л., 1985. С.171.
8. Гундогдыев О.А. Скифский эпос в традициях "Огуз-нама". — "Нейтральный Туркменистан", 8 июня 1988. №141.
9. Страбон. География в 17 книгах. М., 1964. С.486-493.
10. Гундогдыев О.А. Прошлое туркмен. Избранные труды. М., 1988. С.565-566.
11. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб. С.68.
12. Лаптев М.К. Дикие животные Копет-Дага и предгорной равнины. Ашхабад-Баку, 1937. С.14-15.
13. Кузьмина Е.Е. Сцена терзания в искусстве саков. — Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С.80.
14. Акишев А.К. Указ. раб. С.41-42.
15. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб., с.127.
16. Гринцер П.А. Гаруда. — Мифологический словарь. М., 1990. С.141.
17. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб. С.88.
18. Там же, с.93.
19. Там же, с.124-125.
20. Гундогдыев О.А. Покровители земли, ветра, дождя. — Вечерний Ашгабат. 7 августа 1996 г. № 91;
- Ниязлычев К. Земледелие и земледельческие традиции населения Северного Туркменистана в конце XIX — начале XX в. — Социально-экономические отношения в Туркменистане в конце XIX — начале XX вв. (сб. трудов). А., 1985. С.82; Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX — начале XX вв. А., 1995. С.281.
21. Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры (на материале Южного и Восточного Туркменистана). А., 1983. С.18.
22. Буркут-баба. — Мифы народов мира. М., 1997. Т.I. С.195.
23. Шасенем и Гарыш, Касым-оглан и другие туркменские народные повести. М., 1991. С.190.
24. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб., с.109.
25. Неклюдов С.Ю. Гаруда. — Мифологический словарь, с.142.
26. Сакали М.А. Туркменский сказочный эпос. А., 1956. С.64.
27. Демидов С.М. Животные в легендах и верованиях туркмен. — Верования, обряды и обычаи туркмен. А., 1992. С.36.
28. Басилов В. Каракус. — Мифологический словарь, с.273-274.
29. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С.287.
30. Лелеков Л.А. Симуург. — Мифологический словарь, с.490-491.
31. Авеста: Избранные гимны. Душанбе, 1990. С.86.
32. Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. С.77.
33. Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. — Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975. С.284.
34. Кармышева Б.Х. К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана. Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С.29, 35.
35. Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1984. С. 101, 105.
36. Симаков Г.Н. О функциях клубочка в соколиной охоте народов Средней Азии и Казахстана. — Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана, с.169.
37. Симаков Г.Н. К вопросу о происхождении охоты с ловчими птицами (по материалам Средней Азии и Казахстана). — Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения, 1994-1995. СПб., 1997. С.40-41.
38. Интервью Ата Эбердыева корреспонденту "Нейтрального Туркменистана".
39. Финигт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на пернатке. М., 1999. С.310.
40. Турсунов Е. Единство эстетического опыта кочевых и нескочевых народов. — Кочевники. Эстетика. Алматы, 1993. С. 107.
41. Там же, с.107.
42. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М., Л., 1956. Т.I. С.88-89.
43. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М., Л., 1958. С.51-53.
44. Гундогдыев О.А. Соколиная охота в туркменских степях. С.36.
45. Махпиров В.У. Древнетюркская ономастика. Алма-Ата, 1990. С. 19-20.
46. Атанязов С. Этнонимы в туркменском языке. А., 1994. С.28.
47. Атанязов С. Словарь туркменских этнонимов. А., 1988. С. 12, 16, 56, 76, 82, 86-87, 89, 124.
48. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С.35.
49. Там же, с.74.
50. Гер-оглы. Туркменский героический эпос. М., 1983. С.439.
51. Там же. С.596, 605, 645.
52. Там же. С.739.
53. Хурлукта и Хемра. Свят и Хемра. Туркменский романтический эпос. М., 1969. С.216.
54. Там же, с.344.

55. Шасенем и Гарып, Касым-оглан и другие туркменские народные повести. М., 1991. С.27.
56. Махтумкули. Избранное. А., 1979. С.189.
57. Там же, с.197.
58. Там же, с.158.
59. Там же, с.122.
60. Шасенем и Гарып, Касым-оглан... С.129.
61. Махтумкули... С.177-180.
62. Турсунов Е. Указ. раб., с.119.
63. Хурлукта и Хемра. Саят и Хемра... С.256.
64. Сариянди В.И. Древний Мерв. М., 1992. С.19.
65. Сариянди В.И. Древности страны Маргуш. А., 1990. С.70.
66. Сариянди В.И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы. — Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С.69-70.
67. Неклюдов С.Ю. Указ. раб., с.142.
68. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб., с.129.
69. Гундогдыев О. Гечминдаки байдакларымыз. — "Дияр", 1997. № 2-3. С.19.
70. Иванов В.В. Пирва. — Мифологический словарь, с.434.
71. Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973. С.15.
72. Фирдоуси. Шахнаме. М., 1989. Т.IV. С.587, 620.
73. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. — Труды ЮТАКЭ. А., 1959. Т.IV. С.219.
74. Гундогдыев О. А. Знамена туркмен. — "Asgabaty", 14 февраля 1997. № 19; Он же. Тугум-буйсанжым мени. — "Эсгер", 19 февраль, 1998. — № 8; Он же. Стяги далеких предков. — "Вечерний Ашгабат", 17 февраля 1995. № 21.
75. Абазя В. История Армении. СПб, 1888. С.121.
76. Гундогдыев О.А. Знамена туркмен...
77. Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI — XII вв. М., 1991. С.150.
78. Лелеков Л.А. Указ. раб., с.491.
79. Залетаев В.С. Древние и новые дороги Туркмении. М., 1979. С.126.
80. Закон Туркменистана о штандарте (флаге) Президента Туркменистана. — "Нейтральный Туркменистан". 13 июня 1996. № 164.

ГЛАВА II

1. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1987. С.419.
2. Гундогдыев О.А. Соколиная охота в туркменских степях, с.35.
3. Там же.
4. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана, с.322-379.
5. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан, с.97.

6. Там же, с.22.
7. Пфеффер Р. Соколиная охота, с.8.
8. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке, с. 86-87.
9. Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства. — Труды ЮТАКЭ. А., 1955. Т.V. С.69.
10. Фирдоуси. Шахнаме. М., 1989. Т.VI. С.472.
11. Там же.
12. Безобразов С.Б. Ловчие птицы. — Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб, 1896. Т.XVII. С.893.
13. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Указ. раб., с. 96.
14. Низами Г. Пять поэм. М., 1988. С.382.
15. Там же, с.58.
16. Там же, с.57.
17. Шербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959. С.58.
18. Безобразов С.Б. Ловчие птицы..., с.893.
19. Из саги о Тидреке Бернском. — Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. первая. М., 1986. С.601.
20. Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.-Л., 1941. С.54.
21. Гундогдыев О.А. Лучезарный Меликшах. — "Asgabaty", 3 февраля 1998. № 13.
22. Гордлевский Вл. Указ. раб., с.54.
23. Гундогдыев О.А. Янтарные грозди Парфии/Вечерний Ашгабат. — 8 июня 1996. — № 78.
24. Гундогдыев О.А. Соколиная охота... С.36.
25. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... С.327.
26. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке... С. 104.
27. Там же, с. 103.
28. Там же, с.111-113.
29. Там же, с.119.
30. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С.85.
31. Хурлукта и Хемра. Саят и Хемра, с.181, 339.
32. Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса. М., 1975. 320 с.
33. Хукхэм Х. Властитель семи созвездий. Ташкент, 1994. С. 126.
34. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Указ. раб., с.120.
35. Книга Марко Поло. М., 1955. С.118.
36. Там же, с.66.
37. Там же, с.74.
38. Там же, с.96, 115.
39. Там же, с.115-117.
40. Там же, с.118.
41. Кутепов Н.И. Царская и великокняжеская охота на Руси. — Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб, 1903. Т.XXXVII. С.809-810.

42. Безобразов С.Б. Ловчие птицы..., с.893.
43. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника..., с.430.
44. Безобразов С.Б. Соколиная охота. — Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб, 1900. Т.XXX. С.722.
45. Аксаков С.Т. Указ. раб., с.439.
46. Там же, с.434.
47. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. — М., б.г. Т.33. С.564.
48. Кутепов Н.И. Царская и великокняжеская охота... с.810-811.
49. Аширов А. Туркменские поэмы XVIII века. А., 1990. С.88.
50. Хурлукта и Хемра. Саят и Хемра... с.300-301.
51. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. Чарджу, 1991. С.57-58.
52. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан... с.68, 127.
53. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.324, 327, 329.
54. Махтумкули. Избранное. А., 1979. С.41.
55. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.331-332.
56. Там же, с.339, 348.
57. Там же, с.339.
58. Там же, с.370-371.
59. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан... с.64.
60. Айтхожина М. Гибель орла. — Алем. Алма-Ата, 1991. Вып. 1. С.268-269.
61. Лебелев И., Редькин Я. Птицы России. — Журнал "Друг" для любителей птиц, 1996. № 1 (56). С.18.
62. Там же, с.6.
63. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан..., с.115.
64. Безобразов С.Б. Соколиная охота..., с.723.
65. Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX — начале XX в. А., 1995. С.75.
66. Оразов А. Народные традиции охраны природы у туркмен. — Верования, обряды и обычаи туркмен. А., 1992. С.14.
67. Рустамов А.К. О соколиной охоте в Кара-Кумах. — Известия Туркм. Филиала АН СССР, 1950, № 4. С.58-59.
68. Какабаев Н. Ловчая птица. — "Диар", 1996, № 10-11. С.71.
69. Рустамов А.К. О соколиной охоте... с.57, 60.
70. Там же, с.60.
71. Оразов А. Скотоводство у туркмен... с.76.
72. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан... с.120-129.
73. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.386.
74. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Указ. раб., с. 124.
75. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника... с.450.
76. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан... с.123, 124-125, 127.
77. Безобразов С.Б. Соколиная охота... С. 722-723.
78. Гундогдыев О.А. Соколиная охота в туркменских степях... с.36.
79. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.386.

80. Пфеффер Р.Г. Сокол-балобан... с.63.
81. Одесов О. Гнездо беркута. Повести и рассказы. А., 1996, с.193-194.
82. Гер-оглы. М., 1983. С.721.
83. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника... с.448.
84. Оразов А. Скотоводство у туркмен... с.77.
85. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Указ. раб., с.122.
86. Там же, с.74.
87. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. Тегеран, 1997. С.125-126.
88. Керимов Г.М. Шарнат и его социальная сущность. М., 1978. С.208.
89. Атаев К. Охота у туркмен Ахала в конце XIX - начале XX в. — Известия АН ТССР. Серия обществ. наук, 1965, № 5. С.11-12.
90. Дементьев Г.П. Птицы Туркменистана... с.383-384.
91. Оразов А. Скотоводство у туркмен... с.78.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Сокол на перчатке. М., 1999. С.167-169.
2. Безобразов С.Б. Ловчие птицы, с.893.
3. Романов В. Супербиженс. — Журнал "Друг" для любителей собак. 1996, № 1 (56). С.3.
4. Пфеффер Р. Соколиная охота, с.8.
5. Романов В. Поймать хищника, с.6.
6. Рустамов А.К. О соколиной охоте в Кара-Кумах, с.59.
7. Флинт В.Е., Сорокин А.Г. Указ. раб., с.327.

КРАТКИЙ ТУРКМЕНСКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АВЧЫ — охотник
 АВЧЫ ГУШ — охотничья птица
 АЛА ТОГНАК — пестрый сокол (по Абулгази, XVII в.)
 АЛБАЙ — имитатор или чучело животного (вабило — заячья шкурка, крылья птицы и т.д.), на которое натаскивается ловчая птица
 АЛБАЯ ЧЕКМЕК — натаскивание птицы на вабило; вабить
 АЛГЫР — 1. ловчая птица; 2. Европейский черный коршун; 3. Белоголовый сип
 АЛГЫРЛАЧЫН — ловчий сокол
 АЯК БАГЫ — должник (должник), т.е. кожаный ремешок или крепкий шнурок, один конец которого наглухо крепится к перчатке охотника, а другой — к кожаным или матерчатым кусочкам с веревочками (путцы), обертываемым лапки хищной птицы; второй конец должника должен развязываться в считанные секунды
 БАХРИН (БАХРИ) — 1. тундровый сокол; 2. ворона
 БУРГУТ — 1. в широком смысле орел; 2. беркут
 БЫКУ — ястреб (по Абулгази, XVII в.)
 ГАДЖАР (ГАЧАР) — серый гриф
 ГАЗАПЛЫ ГАРАЙЫШ — ястребиный взгляд
 ГАРАГУШ — досл. "черная птица"; 1. орел-могильник; 2. все орлы, кроме беркута; 3. демонологический персонаж
 ГАРЧГА (КАРТЕГА, КАРТСЫГА) — ястреб-тетеревятник
 ГАРЫНДЖА ГУШ — досл. "муравьиная птица"; охотничий сокол
 ГАЯВ — досл. "заячий хвост"; погадка — отрываемая хищной птицей несвариваемая пища, в которой содержатся перья, пух, косточки и т.д.; туркмены давали птицам гаяв для того, чтобы она быстрее "скинула погадку", иначе с ней нельзя было охотиться
 ГЕВЕНЕК — 1. западная обыкновенная пустельга; 2. степная пустельга
 ГУ ЛАТЫ — западный болотный лунь; стервятник; гриф
 ГУРДЖАНКЕЛ — морская хищная птица
 ГУШЧЫ — сокольныйчий
 ГЫЗЫЛ ГАРЧГАЙ — красный ястреб (по Абулгази, XVII в.)
 ГЫРГЫ (КЫРГЕЙ) — широко употребляемое слово для обозначения семейства орлиных: туркестанский тювик, европейский ястреб-перепелятник, кобчик
 ГЫРГЫ БУРУН — ястребиный клюв
 ГЫРГЫ НАЗАРЫ — ястребиный взгляд
 ДЖАН АЛГЫР ГЕЗ — "настоящий соколиный глаз"
 ДЖИГА — "султан из перьев" хищной птицы, носимый прославленными богатырями на макушке шлема
 ДЖИРЕ ГАРЧГАЙ — белый ястреб (по Абулгази, XVII в.)

ДЖИРЕ ЛАЧЫШ — белый сокол (по Абулгази, XVII в.)
 ЕЛЛЫК — путцы
 ИТЕЛГИ — сокол-балобан
 КАЙ (КАЙКЕЛЬ) — европейский черный коршун; стервятник
 КЕЕК САРЫ — коршун (по Абулгази, XVII в.)
 КЕЙКЕНЕК — мышелов (по Абулгази, XVII в.)
 КЕЛЬГУШ — стервятник
 КЕЛЬДАЗАР — белоголовый сип
 КУЧКУН — коршун
 КУШ-КУШ — команда, подаваемая птице
 КУШЛА-ДАЧЫ — охотник с ловчей птицей (древне-тюрк., VIII в.)
 ЛАЧЫН — 1. сокол в широком смысле; 2. рыжеголовый сокол или шахин; 3. сапсан
 ЛАЧЫНЛЫ АВ — соколиная охота
 ЛАЧЫН ГЕЗ — соколиный взгляд
 ЛАЧЫН ЯЛЫ ГЕРУНМЕК — смотреть соколом
 МЕРГЕН — стрелок, снайпер
 МИРИШЯР — от перс. слова "эмир-и шикар" (распорядитель охоты); охотник
 ПЕКЕ — полевой лунь
 САНГАНДЖИ — орел-курганник
 САРЫДЖА — сарыч
 САХРА БУРГУДИ — степной орел
 СЕВЕТ — клубочок (колпачок) из плотной материи, надеваемый на голову ловчей птицы
 СОКЫ — деревянная подставка, на которую сажается птица; по-видимому, синоним слова "тугур"
 СОНКУР — сокол; кречет
 СУВ БУРГУДИ — водный орел
 ТАЙТАНКЕЛ — охотничья птица, вид неопределен
 ТАРЛАН — канок-курганник; ястреб; сокол
 ТОГРУЛ — "хищная птица, которая уничтожает тысячу гусей, чтобы съесть одного" (по Махмуду Каш-гари, XI в.)
 ТОЙГУН — предположительно, белый сокол
 ТОРГУШ — досл. "почетная птица"; охотничий сокол
 ТУУШАНДЖИЛ — охотничий орел (по Рашид-ад-дину, XIV в.)
 ТУГУР — кол, вбиваемый в темном углу помещения, на который сажается птица в период ночных бдений
 ТУНГИ БУРУН — ястребиный нос
 ТУРЛЫТАЙ — (семейство соколиных) чеглок обыкновенный
 ТУРУМТАЙ — древнетюрк.; обозначает ястреба-перепелятника, малого ястреба, кобчика, дербника
 ХАЙТ-ХАЙТ — команда сокольника, заставляющая ловчую птицу броситься на добычу
 ХЕКЕМ — район ловли соколов (обычно — место гнездования или ночевки)

ХУМАЙ — 1. мифическая птица; 2. белоголовый сип
 ЧАЙ-ЧАНГАЛАК — коршун
 ЧАКРЫ — древетюрк. "сокол"
 ШУНКАР — сокол; кречет
 ШУНКАРЛЫ АВ ЭДИШ — охота с кречетом
 ЭЛГУШ — доел. "ручная птица"; 1. ловчая птица; 2. кречет; 3. ястреб
 ЭЛГУШ БИЛЕН ТУТУЛАН АВ — ястребиная охота
 ЭЛИК — перчатка из грубой материи или кожи, на которой сидит ловчая птица
 ЭНДЖАРЫ — какая-то хищная птица
 ЯГАЛБАЙ — кобчик (?)

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КЛУБЫ СОКОЛЬНИКОВ МИРА

Австрийский союз сокольников, дата основания — 1949 г., первоначальное название "Союз по охоте с ловчими птицами, их охране и изучению", основатель Франц Адамс.

Британский клуб сокольников, дата основания — 1927 г., первый президент Джордж Блеккол-Саймондс, штаб-квартира в Аллингтоне.

Германский орден сокольников, дата основания — 1923 г., основатель Ренц Валлер, штаб-квартира в Бонне, выпускает ежегодник "Германский орден сокольников".

"Гнездо сокольников" (Польша), дата основания — 1972 г., первый председатель Ч.Селицкий.

Клуб сокольников Уэльса, дата основания — 1962 г., первый председатель Лоран де Бастия.

Клуб сокольников Японии, дата основания — 1970 г., основатели Арис Нива, Цуюоши Куто, Шигехико Нива.

Международная ассоциация сокольников, дата основания — 1968 г., первый председатель Джек Маврогородато.

Орден австрийских сокольников, возник в 60-х гг. XX в., первый председатель Альфред Ландшютцер, штаб-квартира в Вене.

Орден германских сокольников, в 50-х гг. XX в. выделился из Германского ордена сокольников.

Североамериканская ассоциация сокольников — объединенные клубы нескольких штатов США и провинций Канады.

Словацкий клуб любителей соколиной охоты, дата основания — 1971 г., возник почти одновременно с аналогичным клубом Чехии на базе Чехословацкого "Клуба любителей соколиной охоты при Центральном совете Общества Охотников" (1967 г.)

Союз мексиканских сокольников, дата основания — 1985 г., первый председатель Фредерико Медрано.

Клубы сокольников существуют также во Франции (самый крупный — Национальная ассоциация сокольников), Испании

(Ассоциация испанских сокольников), Швейцарии (Объединение швейцарских сокольников), Бельгии (Клуб Марии Бургундской и Объединение сокольников Бельгии), Италии (Кружок сокольников), Дании (Датский соколиный клуб), Голландии (Союз Сокольников Голландии), Венгрии (Венгерская ассоциация сокольников), Турции, арабских странах (соколиная охота — любимая забава арабских шейхов), России (многочисленные клубы в разных городах, один из которых возник на базе созданного в 1984 г. в Москве Секции охоты с ловчими птицами при Росохотрыболовсоюзе), Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане (в 1998 г. образован "Национальный клуб сокольников Туркменистана") и многих других странах.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. "Остроклювых бойся грифов..."	10
ГЛАВА II. Из истории соколиной охоты	42
Заключение	84
Примечания	90
Краткий туркменский терминологический словарь	98
Наиболее известные клубы сокольников мира	101

100 101

100 101

